

Вспомни
СМОЛА

Вспомни
меня,
ЛЮБОВЬ

Бертрис Смолл
Вспомни меня, любовь
Серия «Блейз Уиндхем», книга 2
Серия «Гарем Бертрис Смолл (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131016
Б. Смолл. Вспомни меня, любовь: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-093986-2

Аннотация

Юной английской аристократке Ниссе Уиндхем предстояло стать женой короля – но хитрые придворные интриги привели ее вместо этого в объятия неотразимого Вариана де Винтера. Словно сама судьба взялась доказать девушке, что блеск, роскошь и даже королевское могущество – ничто в сравнении с извечным женским счастьем разделенной любви и пылкой, пламенной страсти...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	44
Глава 3	91
Глава 4	129
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Бертрис Смолл

Вспомни меня, любовь

Bertrice Small

LOVE, REMEMBER ME

© Bertrice Small, 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Пролог

Королева умерла.

В пятницу, двенадцатого октября, она благополучно разрешилась крепким, здоровым младенцем. Король, пребывавший в тот момент в Эшере, узнав, что королева подарила ему принца, тут же помчался в Хэмптон-Корт взглянуть на сына. При виде крупного светловолосого ребенка Генрих Тюдор преисполнился безграничной радости. Наконец-то он получил наследника мужского пола! Он даже ощутил некоторое расположение к дочерям: фанатично-набожной, болезненного вида Марии, всегда бросающей на него исподлобья угрюмые взгляды, и малютке Елизавете, ребенку Нэн. Мало кто отзывался о ней хорошо: девчонка была чересчур упряма, капризна и своевольна. Хорошо хоть Джейн, Господь да вознаградит ее, любит его девочек. Она пожелала, чтобы они жили рядом с ней, во дворце: Мэри для компании, а Бесс будет воспитываться с их сыном.

– Ты хорошо потрудились, любовь моя, – сказал король, целуя королеву в лоб и пожимая тянущуюся к нему маленькую руку. – Отличный парень, и мы должны заделать еще парочку, чтобы ему не было скучно, а, Джейн? – Его глаза, обращенные на королеву, сияли любовью. – Еще три или четыре мальчишки для Англии!

Он чувствовал себя победителем; Господь, похоже, про-

стил его. Наконец-то Господь оценил его труды, его примерное поведение за последние годы и послал ему сына!

Джейн Сеймур слабо улыбалась, глядя на мужа. Она выдержала почти трое суток боли, изнурительного труда, но, прежде чем отдохнуть, нужно решить вопрос об имени ее сына.

– Как вы назовете его, мой государь? – спросила она мужа.

Сейчас, когда память о перенесенных страданиях еще так свежа, королева не хотела даже думать о следующих родах. Если бы Бог дал мужчине способность к деторождению, мелькнуло у нее в голове, оставались бы они такими же убежденными сторонниками многочисленного потомства?

– Эдуард, – подумав, ответил король. – Мой сын будет носить имя Эдуард.

Во все концы страны понеслись королевские герольды, чтобы возвестить народу добрые вести: у короля Генриха VIII и его королевы Джейн родился здоровый младенец, мальчик. Церковные колокола города Лондона начали веселый перезвон, который продолжался весь день и всю следующую ночь. Во всех церквях Англии по случаю рождения принца Эдуарда запели «Te Deum» («Тебя, Бога, хвалим»). Повсюду запылали праздничные костры, лондонский Тауэр скрылся в облаке голубоватого дыма, когда его пушки дали двести залпов в честь новорожденного. Хозяйки украсили свои дома гирляндами и начали стряпать кушанья для праздничных пиршеств в ознаменование счастливо-

го события. Поток подарков и поздравлений хлынул в Хэмптон-Корт со всех концов Англии. Кто знает, может быть, радость, переполняющая короля, прольется милостями и щедротами? Вся Англия вместе с Генрихом и его супругой приветствовала рождение принца Эдуарда.

Пятнадцатого октября, в понедельник, младенец был крещен в королевской церкви Хэмптон-Корта. Крестными, согласно решению короля, которому с готовностью повиновалась его кроткая супруга, стали архиепископ Кранмер, герцоги Суффолк и Норфолк, а также старшая дочь короля принцесса Мария. Девчонка Нэн тоже должна была принять участие в церемонии; на этом настояла мягкосердечная королева Джейн.

Так что маленькая леди Елизавета, сидя на руках брата королевы лорда Бьючемпа и изо всех сил стараясь удержать чашу с елеем, нисколько не сомневалась ни в важности происходящего, ни в своей исключительной в нем роли. Она, правда, не была до конца уверена, что же все-таки нравится ей больше – то, что она участвует в таком грандиозном спектакле, или то, что ее нарядили в такое роскошное новое платье. После окончания обряда Елизавета вернулась на половину королевы, держась за руку старшей сестры.

И король, и королева благословили своего сына. Затем вызвавший всеобщее восхищение младенец был передан герцогине Суффолкской, которой отныне предстояло о нем заботиться. Для юного принца отвели отдельные покои.

Помня о судьбе, постигшей его сыновей от принцессы Арагонской, король распорядился, чтобы на половине принца Эдуарда поддерживалась безукоризненная чистота. Все помещения, включая коридор, следовало ежедневно подметать и мыть мыльной водой. Все вещи, которые носил или до которых дотрагивался принц Эдуард, должны были быть чистыми. Такие требования гигиены в те времена казались причудой, но Генрих Тюдор требовал неукоснительного их выполнения. Две королевские кормилицы были крепкие, пышущие здоровьем деревенские молодки. У одной из них родился мертвый ребенок, вторая отдала свою новорожденную дочку на попечение невестки, так как наследнику трона не пристало делить свою пищу ни с каким другим младенцем – ведь тот, другой, мог заболеть и заразить принца. А это дитя должно жить, чтобы наследовать корону отца. Для этого были приняты все, решительно все возможные меры. Эдуард Тюдор был слишком важным ребенком.

На следующее утро после крещения принца королева заболела. К вечеру показалось, что ей стало лучше. Но за ночь состояние больной значительно ухудшилось. Пользовавшиеся ее величеством медики единогласно поставили диагноз: родильная горячка. В течение следующей ночи королева была близка к смерти. Епископ Карлайль, королевский духовник, уже собирался исповедовать и причастить ее, когда на следующее утро Джейн Сеймур неожиданно почувствовала себя гораздо лучше. С четверга, ко всеобщему облегчению, ка-

залось, болезнь отступила, но в пятницу вечером у королевы начался новый сильнейший приступ горячки. Она впала в беспамятство. Теперь уже не было сомнений, что смерть ходит рядом, но еще никто не осмеливался произнести это вслух.

Король, ранее намеревавшийся вернуться в Эшер к началу охотничьего сезона, назначенному на двадцать третье октября, не решился, однако, покинуть свою возлюбленную Джейн. Даже ему наконец стало ясно, что королева умирает. К величайшему удивлению окружающих, король рыдал, как дитя. Мало кто мог вспомнить, что когда-нибудь вообще видел слезы короля. Генрих Тюдор всю ночь оставался у постели жены. В полночь в спальню вошел епископ Карлайль и совершил последние обряды. На сей раз уже ни у кого не было надежды на чудесное исцеление. Выполнив свой долг, епископ сделал все, чтобы как-то успокоить господина, но король оставался безутешным. В два часа ночи, в тот самый час, когда двенадцать дней назад она произвела на свет дитя, королева Джейн скончалась. Король немедленно отбыл в Виндзор и уединился там. Оставаться в одном доме с усопшей считалось плохой приметой.

Похороны королевы, разумеется, обставили со всей пышностью. Ее исхудавшее тело обернули в золотые покровы, красивые светлые локоны расчесали и разложили по плечам. На голову надели сверкающую драгоценными камнями корону. Она лежала в парадной спальне Хэмптон-Кортского

дворца, а во всех церквах служили мессы за упокой ее светлой души. Затем тело перенесли в королевскую церковь, где фрейлины королевы целую неделю бодрствовали рядом с телом своей госпожи.

Мария Тюдор горячо оплакивала смерть королевы. Она искренне любила и уважала свою нежную, добрую, верующую мачеху, которая так любовно и заботливо старалась вернуть ей привязанность ее необузданного отца. Немногие люди осмеливались проявлять доброту к Марии с тех пор, как ее мать впала в немилость. Царствование Анны Болейн стало для нее сущим адом, но Джейн Сеймур всегда оставалась добра к ней.

В восьмой день ноября гроб с телом королевы перевезли в Виндзор, где и похоронили двенадцатого числа, в понедельник. Король по-прежнему горевал, но уже почти окончательно решил взять себе четвертую жену. Одного сына явно недостаточно, чтобы гарантировать надежность династии Тюдоров. Его возлюбленная Джейн мертва, но он ведь еще достаточно молод, чтобы с помощью плодовитой супруги произвести на свет еще нескольких сыновей.

Королева умерла, но король, слава Богу, жив!

Глава 1

– Да, он действительно сказал, что может в один прекрасный день посетить Риверс-Эдж, – произнесла леди Блейз Уиндхем, графиня Лэнгфорд, обращаясь к своему мужу. – Ты ведь сам это слышал.

– Но я думал, он сказал так из вежливости, – раздраженно ответил граф. – Люди очень часто говорят, что как-нибудь заедут к вам в гости, но никто не воспринимает это всерьез, и обычно так никто и не приезжает. Неужели ты в самом деле надеялась когда-нибудь увидеть короля здесь, в нашем доме? Я – нет. – Энтони Уиндхем резким движением пригладил свои темные волосы. – У нас не такой уж большой дом, Блейз. Как долго он намерен здесь оставаться? Сколько людей он привезет с собой? В состоянии ли мы принять короля как подобает? – Граф сердито взглянул на жену, поскольку именно она, в силу давнего и близкого знакомства с королем, несла ответственность за это нарушение спокойного течения их жизни.

Блейз рассмеялась.

– О, Тони, – успокаивающе произнесла она, – Генри вовсе не собирается наносить нам официальный визит. Просто король охотился в этих краях и, вспомнив, что Риверс-Эдж где-то неподалеку, решил повидать нас. Его будут сопровождать не более полудюжины человек. Они позавтракают у нас,

вот и все. – Она ласково похлопала мужа по руке. – Все будет хорошо, вот увидишь.

– Все равно у нас мало времени, чтобы как следует подготовиться, – продолжал ворчать граф. – Как это похоже на короля – совсем не подумать о нас!

– С каких это пор хозяйство стало вашей заботой, сэр? – повысила голос Блейз. – Король приезжает завтра. Для меня этого времени более чем достаточно, чтобы подготовиться к его приему. От тебя, Тони, требуется только одно: быть таким же обаятельным и гостеприимным, как всегда. – Стараясь умиловить своего красавца мужа, Блейз поцеловала его в щеку. – Кстати, любимый, я дала знать родителям в Эшби и моим сестрам, чтобы они тоже приехали на встречу с королем.

– Все? – нервно переспросил супруг. Блейз была старшей из одиннадцати детей, восемь из которых принадлежали к прекрасному полу.

– Только Блисс и Блайт, – поспешила успокоить его жена. – Правда, мама, возможно, привезет братьев Генри и Тома. Жена Гэвина тоже вот-вот родит – он не оставит ее, я уверена, ведь это их первый ребенок.

Граф Лэнгфорд почувствовал некоторое облегчение, узнав, что не все родственники жены наводнят его дом. Из ее сестер он был хорошо знаком с Блисс, графиней Марвуд, и Блайт, леди Кингсли, ближайшими по возрасту к его жене. Четвертую сестру Делию много лет назад увез в Ирландию

муж, Кормас О'Брайан, лорд Киллал. Вести от нее приходили редко. Следующие сестры, двойняшки Ларк и Линнетта, были замужем за братьями-близнецами, сыновьями лорда Аскотта. Они готовы были жить в глуши и оставаться «деревенскими женами», лишь бы их не разлучали друг с другом. Гордая Ванора, предпоследняя из сестер, вышла замуж за маркиза Бересфорда, а самая младшая сестра Гленн была обручена с маркизом Адни. Все дочери лорда Роберта Моргана славились не только красотой, но и замечательной способностью производить на свет здоровых и многочисленных отпрысков.

– Это воистину уникальная возможность, – провозгласила Блейз таким многозначительным тоном, что ее муж тут же вернулся от своих мыслей к реальности.

– Возможность для кого? – требовательно спросил он. – И для чего, мадам?

– Для наших детей, Тони! Нисса, Филипп и Джайлс. Теперь, когда кончился срок траура по королеве Джейн и король обручился с принцессой Клевской, у него должно быть прекрасное настроение, особенно если завтрашняя охота будет удачной и если моя кухня придется ему по вкусу.

– Что ты задумала, Блейз?

– Я хочу устроить при дворе Ниссу, Филиппа и Джайлса. Во-первых, Тони, им нужно пообтесаться, приобрести лоск, во-вторых, мы еще не нашли никому из них подходящей пары. Думаю, Нисса сможет подцепить при дворе хорошего му-

жа. Вероятно, и мальчики привлекут внимание некоторых отцов, ищущих хорошую партию для дочерей. Конечно, не самых могущественных и знатных родов, но из благородных, уважаемых семейств. Филиппу предстоит стать следующим графом Лэнгфордом, а Джэйлсу я отписала доходное имение Гринхилл. Так что наши старшие сыновья могут быть весьма привлекательной добычей, – с улыбкой закончила Блейз.

– Не уверен, что мне нравится мысль отправить Ниссу ко двору, – с сомнением произнес граф Лэнгфорд. – Мальчиков – да, согласен, но Ниссу – нет.

– Почему же? – бросилась в наступление его жена. – Здесь, в округе, нет никого, за кого мы могли бы выдать ее, ни одного приличного молодого человека. Принцесса Клевская, как меня уверяли, очень добрая, благородная и образованная леди. Если бы Нисса получила место ее фрейлины, она оказалась бы под защитой королевы и в то же время у нее появилась бы возможность встретить подходящего молодого человека. Иначе она его не встретит никогда. Если король все еще питает ко мне добрые чувства – а я думаю, что это так, потому что Генри сентиментален и всегда видит прошлое сквозь розовую дымку, – он охотно окажет нам эту милость и возьмет детей во дворец. Ох, Тони! Никогда в жизни нам не представится лучшего случая устроить будущее наших детей. Старшие дети познакомятся и завяжут связи при дворе и впоследствии смогут помочь другим нашим сыновьям, когда придет их черед покинуть гнездо. Учти, что

младшие, не имея денег, будут очень нуждаться в покровительстве.

– Ричард, возможно, в один прекрасный день примет сан, – возразил граф. – Что за нужда ему тогда в представлении ко двору?

– Архиепископ бывает при дворе, – с терпеливой улыбкой парировала Блейз. – Какой прекрасный случай для нашего сына!

Энтони Уиндхем рассмеялся:

– Я успел позабыть о твоей неиссякаемой находчивости, моя дорогая Блейз! Ну что ж, очень хорошо, осуществляя свои планы. Если Бог захочет тебе помочь, так тому и быть. Нисса, Филипп и Джайлс отправятся ко двору, а Ричард когда-нибудь познакомится с архиепископом. – Потянувшись, он погладил жену по выпуклому животу – Блейз была на сносях. – А ты уверена, что это опять будет мальчик?

– Мне кажется, мой господин, вы можете зачать только мальчика, – улыбнулась она. – Пять прекрасных сыновей родила я от тебя.

– И Ниссу, – добавил он.

– Нисса – ребенок Эдмунда, – мягко уточнила Блейз. – Ты был ей хорошим отцом, Тони, но в ней течет кровь Эдмунда.

– Но это и моя кровь, – настаивал граф. – Разве мы с Эдмундом не родственники? Он мой дядя. Я очень любил его, Блейз.

– Скорее, он был тебе братом, Тони. Между вами всего

несколько лет разницы, и твоя мать воспитала вас обоих.

– Моя мать! О Господи, Блейз! Ты послала к ней в Риверсайд? Она, наверное, тоже захочет засвидетельствовать свое почтение королю.

– По дороге к моим родителям нарочный заедет к леди Дороти, – хихикнула Блейз. – Бедный Генри! Он и понятия не имеет, что его ожидает завтра.

Король прибыл утром. Он пребывал в самом прекрасном расположении духа, поскольку самолично застрелил двух оленей и одного матерого оленя с такими царственными рогами, каких, по признанию его спутников, никто до сих пор не видывал. Благодаря этому успеху король снова чувствовал себя молодым. Однако молодость давно миновала. Прошло более трех лет с тех пор, как Блейз видела его последний раз, и теперь она была потрясена при виде происшедших в нем перемен. Король сильно прибавил в весе. Одежда стала ему тесна. Когда-то столь изящный и стройный, он сделался бесформенным и тяжеловесным. Склоняясь перед королем в глубоком реверансе, графиня Лэнгфорд тщетно пыталась вызвать в памяти облик молодого обаятельного мужчины, который когда-то был ее возлюбленным.

Генрих Тюдор взял ее за руку и помог подняться.

– Вставай, вставай, моя милая, – ласково промолвил король, и звук знакомого голоса помог ей на мгновение воскресить прошлое. – Знаю, что ты навеки самая преданная из

моих подданных.

В обращенных на нее глазах короля мелькнула знакомая полускрытая усмешка.

– Мой дорогой господин! – отвечала Блейз, улыбаясь и становясь на цыпочки, чтобы поцеловать короля в щеку. – Как приятно вновь увидеть вас. Наши сердца и наши молитвы всегда с вами и с принцем Эдуардом. Ваше величество, вы самый желанный гость в Риверс-Эдже!

– Могу только присоединиться к чувствам и словам моей жены, – с достоинством произнес граф Лэнгфорд, делая шаг вперед.

– О, Тони! Ты должен поохотиться с нами сегодня днем! – сказал король и, нахмурившись, обернулся к своей свите: – Почему никто не догадался пригласить лорда Лэнгфорда на утреннюю охоту?! Неужели я сам должен думать обо всем?!

– Почту за честь присоединиться к вашему величеству, – поспешно вставил Энтони Уиндхем, стремясь предотвратить вспышку королевского гнева. – Не желаете ли пройти в зал и начать трапезу? Блейз старалась изо всех сил.

Графиня Лэнгфорд изящным жестом взяла короля под руку.

– Пойдем, Гэл, – сказала она, называя его уменьшительным именем, как в былые времена. – Мои родители и мать Тони приехали и ждут встречи с тобой. А у меня найдется для тебя отличный кусок говядины, да еще и паштет из куропаток. Если память мне не изменяет, ты всегда любил его.

Я сделала к нему чудесную подливку из красного вина, лука-шалота и молодой моркови.

Еще раз улыбнувшись, заглядывая ему в лицо снизу вверх, Блейз ввела короля в дом.

– Прошу вас, присоединяйтесь, джентльмены, – пригласил граф спутников короля, и они вслед за ним прошли в Большой зал замка.

Там графиня уже представляла королю своих родителей: лорда и леди Морган, мать мужа – леди Дороти Уиндхем. Зятя, Оуэн Фицхаг, граф Марвуд, и лорд Николас Кингсли, а также их жены, Блисс и Блайт, тоже приветствовали короля. Лорд Морган представил его величеству двух своих младших сыновей, шестнадцатилетних Генри и Томаса.

Король чувствовал себя в своей стихии и наслаждался дружественным приемом. Он всегда был равнодушен к преклонению перед своей персоной. Генрих нашел доброе слово для каждого – поздравил Морганов с тем, какую прекрасную, огромную семью они создали, попенял леди Дороти, что она давно не бывала при дворе: «Во дворце всегда найдется комната для красивой женщины».

Леди Дороти, которой уже стукнуло шестьдесят пять, не растерялась:

– Увы, ваше величество, сын не позволяет мне. Он опасается за мою добродетель.

– Ну разумеется, он прав, мадам! – расхохотался король и повернулся к Блейз: – А где же твой очаровательный вы-

водок, моя милая девочка из глуши? – «Моя девочка из глуши», «моя деревенская девочка» – так король всегда называл ее. – Последний раз мне говорили, что у тебя четверо парней и одна дочка.

– Теперь у нас уже пятеро сыновей, сэръ. Маленькому Генри минуло два года в июне. Мы назвали его в вашу честь, – сообщила Блейз. – И как вы видите, скоро я разрешусь седьмым ребенком.

– Нет ничего прекрасней хорошей английской жены! – с чувством произнес король, и его спутники тут же потупились. – Как мне не хватает моей возлюбленной Джейн...

– Пройди сюда, Гэл, – предложила Блейз и подвела его к почетному месту на возвышении.

Следуя за королем, она заметила, что он припадает на одну ногу, и подумала, что нужно было приготовить ему более мягкое сиденье.

– Я велю привести сюда детей, как только ты захочешь их увидеть, – сказала Блейз. – Но я боялась, что они могут помешать.

– Глупости! – буркнул король, тяжело опускаясь в кресло. – Я хочу увидеть их всех, даже маленького.

Стоявший наготове слуга сразу же вложил в руку почетного гостя огромный кубок с вином, и король с жадностью осушил его. Блейз подала знак своей горничной Геарте и велела ей тотчас же привести детей. Сверху, с галереи менестрелей, полилась приятная музыка. Король откинулся назад

и полулежал в кресле, наслаждаясь отдыхом.

В зал вошли дети Уиндхемов. Впереди шел наследник титула, лорд Филипп Уиндхем, замыкала шествие старшая дочь, леди Нисса Уиндхем, державшая на руках самого младшего брата.

– Позвольте представить вашему величеству моих детей, – официальным тоном произнесла Блейз. – Это Филипп, наш старший сын. Ему сейчас двенадцать лет. Вот Джайлс, ему девять; Ричард, восемь; Эдуард, четыре, и, наконец, Генри, два года.

Все сыновья Блейз и Энтони, в том числе младший, которого сестра спустила на пол, отвесили изящные поклоны.

– А это моя дочь Нисса. Тони воспитал ее как родную, но она – ребенок моего первого мужа, Эдмунда Уиндхема.

Нисса Уиндхем присела в глубоком реверансе, складки темно-розовой шелковой юбки красивым веером легли вокруг ее ног. Поднявшись, она скромно опустила глаза перед своим монархом.

– Так же хороша, как самая прекрасная роза Англии, – любезно отметил король. – Сколько ей лет, мадам?

– Шестнадцать, ваше величество, – ответила Блейз.

– Она помолвлена?

– Нет, мой господин.

– Почему же? Она достаточно хороша и к тому же дочь графа. Не сомневаюсь, что у нее отличное приданое, – заявил король.

– Здесь, в наших краях, нет никого, с кем мы могли бы сосватать ее, Гэл, – вполголоса пожаловалась Блейз. – У нее действительно отличное приданое. Оно включает Риверсайд, имение с хорошим домом и прилегающими землями. Нисса – прекрасно обеспеченная девушка, но... В самом деле, Гэл, я бы очень хотела, чтобы она некоторое время пожила при дворе. – На губах Блейз играла легкая улыбка, но глаза ее остро следили за реакцией короля.

Давясь от смеха, король предостерегающе помахал пальцем перед ее носом.

– Мадам, – прорычал он забавляясь, – у вас нет ни стыда, ни совести, но, впрочем, мне всегда было об этом известно! Вы вознамерились пристроить свою девицу, разве нет? А знаете ли вы, что каждая семья, где есть незамужняя дочь, да и просто любая дочь, именно теперь считает своим долгом докучать и надоедать мне просьбами зачислить этих девиц в штат моей невесты? Об этом умоляют и знатные фамилии, и самые простые. – Его взгляд скользнул по Ниссе. – А ты, моя прелесть, хочешь ли ты жить при дворе и служить новой королеве?

– Если это угодно вашему величеству, – спокойно ответила Нисса и в первый раз взглянула прямо в глаза короля.

Его величество отметил про себя, что у нее такие же чудесные фиалково-синие глаза, как у матери.

– Жила она где-нибудь, кроме дома? – обратился король к Блейз.

Графиня покачала головой:

– Нет, Гэл, она – простая деревенская девушка, как и я.

– В таком случае, боюсь, наши придворные повесы слопают ее в один миг, – вздохнул король. – Это было бы плохой услугой в ответ на твою дружбу, Блейз Уиндхем.

Блисс Фицхаг, графиня Марвуд, старавшаяся не пропустить ни слова из этой беседы, решила вмешаться:

– Все говорят, что принцесса Клевская – дама строгих правил и доброго нрава. Я уверена, ваше величество, что при ней моя племянница будет в полной безопасности. Кроме того, мой муж и я в этом сезоне намереваемся вернуться ко двору, и я со своей стороны присмотрю за Ниссой.

Блейз бросила сестре благодарный взгляд, в то время как король вновь заговорил:

– Прекрасно, мадам, в таком случае я велю назначить вашу дочь фрейлиной новой королевы, поскольку леди Фицхаг готова заменить вас. Что еще я могу сделать для вас? – закончил король уже гораздо более прохладным тоном.

– Назначить Филиппа и Джэйлса пажами в свиту принцессы Клевской, – быстро проговорила бесстрашная Блейз.

Генрих Тюдор не смог удержаться от смеха при виде такой смеси дерзости и отваги.

– Не хотел бы когда-нибудь оказаться с вами за одним карточным столом, мадам! Сколько помню, вы всегда у меня выигрывали! Хорошо, я выполню вашу просьбу. Вижу, это прекрасные, воспитанные мальчуганы. – Король вдруг посерьез-

нел и заговорил вполголоса: – Когда ты была со мной, Блейз Уиндхем, то никогда ни о чем не просила. Помню, многие за это считали тебя дурочкой.

– Когда я была с тобой, Гэл, – в тон ему ответила Блейз, – мне ничего не нужно было, потому что у меня была твоя привязанность, твое уважение.

– Они и сейчас твои, моя незабываемая деревенская девочка, – сказал король. – Вот смотрю на твоих замечательных детей и думаю, что это могли бы быть мои дети, возьми я тогда в жены тебя, а не тех, других.

– У вашего величества чудесный сын, принц Эдуард. Вы желаете ему счастья и благополучия, как и я желаю того же своим детям. Поэтому сегодня я просила за них. Вы знаете, что иначе я никогда не решилась бы злоупотреблять вашим великодушием.

Подавшись вперед, король накрыл ее тонкую руку своей мясистой ладонью.

– Я никогда не знал ни одной женщины, кроме, может быть, моей незабвенной Джейн, в чьем сердце было бы столько чистоты и добра, как в твоём, моя деревенская девочка, – признался он. – Моя новая королева должна быть довольна, имея в свите твоих детей. – Он перевел взгляд на мальчиков. – А что думаете об этом вы, мастер Филипп и мастер Джайлс? Будете ли вы счастливы служить нам и нашей королеве?

– Еще бы, ваше величество! – хором воскликнули братья.

– А вы, госпожа Нисса? Будете ли вы столь же счастливы, как ваши братья? – Король хмыкнул и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Готов поклясться, она покорит всех молодых мужчин при дворе. Вы еще пожалеете, леди Фицхаг, что взяли присматривать за этой английской розой.

– Я вполне способна сама за собой присмотреть, ваше величество! – вскинулась Нисса. – В конце концов, я старшая из детей моей матери.

– Нисса! – Блейз шокировала дерзость дочери, но король от души расхохотался:

– Не браните ее, мадам. Она напоминает мне мою дочь Елизавету. Нисса той же породы. Английская роза, но гордая, дикая роза. Приятно узнать, что у нее сильная натура. Эта сила понадобится при дворе, ты хорошо знаешь об этом, Блейз Уиндхем. А теперь накормят меня наконец или нет? Я выполнил все твои требования, Блейз! – хохотнул он. – Теперь у тебя нет необходимости морить твоего короля голодом.

Блейз подала знак, и немедленно в дверях показалась процессия слуг. Они несли на подносах плоды усилий поварих, сбившихся за последние сутки с ног в стремлении угодить своему королю. Как и обещала графиня, главным блюдом был ростбиф. Огромный кусок мяса, обваленный в соли, обжаривали на вертеле до тех пор, пока сквозь слой соли не начал просачиваться ароматный сок. Затем подали светло-розовую деревенскую ветчину; жареную форель, сдобренную

лимонным соком и красиво уложенную на свежий шпинат; ну и, конечно, паштет из куропатки, точнее, шесть паштетов, сквозь специальные отверстия в хрустящей корочке которых вытекал густой, пряный винный соус. На столе было несколько жареных уток, посаженных на серебряные блюда посреди озер из соуса с черносливом; и деревянные блюда, доверху наполненные нежными отбивными котлетами из молодой баранины; и разнообразные овощные блюда из зеленого горошка, лука и моркови с соусами из марсалы или сливок. Подали только что испеченный хлеб, и свежее деревенское масло, и небольшой аппетитный круг острого чеддерского сыра.

Король всегда был хорошим едоком, но сейчас Блейз потряс его аппетит. Он угостился ветчиной и ростбифом, съел целиком форель, утку, один из паштетов и шесть отбивных. Отдал должное и овощам, особо налегал на жареный лук, не обошел вниманием и хлеб, и масло, и под конец умял чуть ли не треть головки сыра. Его чаша ни на минуту не оставалась пустой, и пил он с таким же рвением, как и ел. Когда поднесли яблочный торт, он удовлетворенно вздохнул.

– Подайте топленых сливок, – приказал он слуге, держащему огромный поднос с тортом, и, когда требуемое принесли, откусал с очевидным удовольствием. – Отличный пир ты мне устроила! – поблагодарил король хозяйку, отдуваясь и расстегивая пояс. – Теперь уж я наверняка не проголодаюсь до самого обеда.

– Если бы я съел столько, – прошептал лорд Морган своим зятьям, – я бы не проголодался до следующего Михайлова дня.

Когда король уже собирался отбыть на охоту, графиня Лэнгфорд, к своему величайшему удивлению, почувствовала, что у нее начинаются роды.

– Я ожидала не раньше чем на следующей неделе, – сокрушенно прошептала она, опасаясь, что это событие может ускорить отъезд короля.

– Помилуй, Блейз, – сухо заметила ее мать, леди Морган, – у тебя было уже достаточно случаев убедиться, что дети появляются на свет именно тогда, когда они к этому готовы; не раньше и не позже. – Она повернулась к королю: – Поезжайте на охоту, ваше величество, и обязательно захватите с собой лорда Уиндхема. Я не знаю ни одного мужчины, от которого был бы хоть какой-то прок, пока его жена трудится над продлением их рода.

– Потому что свою часть этой работы мужчина делает первым, мадам! – ухмыльнулся король.

Мужчины отбыли на охоту, а Блейз, сопровождаемая матерью и сестрами, с трудом добралась до своей спальни. Там, после полутора часов энергичных усилий, она произвела на свет двух девочек.

– Не могу поверить! – изумилась графиня. – Я была уверена, что Тони умеет делать только мальчиков, а тут он подарил мне сразу двух милых дочурок!

– Они совершенно одинаковые, и лицом, и телом! – восхищалась ее мать. – Я все удивлялась, почему ни одна из моих дочерей не рождает близнецов, в то время как у меня их было четыре пары. Наконец ты первая сделала это, Блейз.

– Я поеду верхом и скажу папе, – предложила Нисса. – Он будет потрясен, уверена! – Она склонилась над малютками. – Какие они хорошенькие!

– Теперь, – промолвила леди Морган, – когда у тебя появились эти милые малышки, ты уже не так будешь скучать без Ниссы, если она уедет.

– Нет, мама, – возразила Блейз. – Никто не займет ее место в моем сердце. Ведь она – единственное, что осталось мне от Эдмунда. Я буду считать выполненным свой долг перед его памятью, только когда увижу ее в счастливом замужестве. Вы не можете не согласиться, что Эдмунд был прекрасным человеком.

– Согласна, – признала леди Морган, а леди Дороти Уиндхем, невестка Эдмунда, подтвердила сказанное кивком. – Не будь его, твои сестры не смогли бы так удачно выйти замуж, а твой отец не сумел бы поправить наши пошатнувшиеся дела. Я благословляю тот день, когда он впервые приехал к нам в Эшби. Каждый вечер я молюсь за упокой его души.

Новорожденных запеленали, а их мать устроили со всем возможным комфортом. Геарта, доверенная горничная Блейз, приготовила бодрящий напиток из молока, вина и пряностей. Подкрепив свои силы, молодая мать выразила

желание остаться одной и отдохнуть.

Дамы вернулись в Большой зал и там коротали время в приятной беседе, поджидая возвращения мужчин с охоты, поскольку все они, за исключением старого лорда Моргана, присоединились к королю.

– Интересно, как она назовет своих крошек? – спросила Блайт, леди Кингсли.

– Да, мама, сумеет ли она проявить такую же чудесную изобретательность в отношении женских имен, как ты? – добавила, улыбаясь, Блисс, графиня Марвуд.

– Нисса – единственное в своем роде имя, – заметила их мать.

– Но его придумал Эдмунд, – уточнила леди Дороти. – Блейз выбрала для дочери христианское имя в память первой жены Эдмунда, Кэтрин Хэйвен, но Эдмунд заявил, что назовет девочку Нисса, что по-гречески значит «начало». Эдмунд говорил, что она должна стать первой из их многочисленных детей. Он не мог знать, бедняжка, что не ему, а моему Энтони суждено продолжить род Уиндхемов. Мне до сих пор не хватает Эдмунда, хотя вот уже пятнадцать лет, как его нет на свете.

– Блейз выбрала для своих сыновей очень удачные имена, – сказала Блайт.

– Но теперь это девочки, ты, тупоголовое создание! – уколола острая на язык Блисс свою сестру-двойняшку. – Впрочем, уверена, что Блейз выберет для дочерей прекрасные

имена.

– По-моему, у моих дочерей тоже хорошие имена, – заявила Блайт.

Блисс бросила на сестру уничтожающий взгляд, но приезд лорда Уиндхема положил конец дискуссии. Ко всеобщему изумлению, вместе с ним вернулся король.

– Я должен сам поздравить мою милую девочку, – почувствованно сказал король. – Позвольте поздравить и вас, сэр, с таким чудесным семейством! – Он сердечно пожал руку Энтони Уиндхема.

Проснувшись, Блейз увидела короля. Она порозовела, припомнив времена, когда его визиты в ее спальню носили более интимный характер. Мысли Генриха Тюдора в этот миг также обратились в прошлое, но в речах он был вполне благопристоен.

– Я счастлив, мадам, убедиться, что вы прекрасно выглядите после этих трудов! – Склонившись, он запечатлел поцелуй на ее руке.

Блейз тепло улыбнулась в ответ:

– На этот раз все длилось недолго, ваше величество. Я уже как хорошая кошка: в последние годы рожаю быстро и легко. Рада, что вы вернулись повидать меня!

– Я уже видел твоих девчушек, Блейз. Они такие же прелестные, как их мама. Как ты их назовешь?

– Если ты не возражаешь, Гэл, – сказала Блейз, – я хотела бы назвать ту, что родилась первой, Джейн, в честь покойной

королевы. А вторую Анной, в честь принцессы Клевской, которая скоро станет твоей спутницей и нашей королевой. Мне кажется, так будет правильно, поскольку именно в этот день, когда я родила моих девочек, ты был здесь, у нас.

Услышав это, король, сентиментальный человек, всегда наслаждавшийся ролью милосердного монарха, даже прослезился. Вытащив из рукава камзола лоскут белоснежного шелка, он утер глаза. Затем, обращаясь к лорду Уиндхему, спросил:

– Есть у вас в доме священник, Тони?

Граф кивнул в ответ.

– Тогда позовите его, – распорядился король. – Пусть он сегодня же окрестит ваших дочерей, а я буду крестным отцом им обеим. Таково мое желание, моя девочка. Отныне ты и твоя семья станут частью моей жизни.

– О, Гэл, это такая честь для нас, – пролепетала Блейз, в свою очередь готовая расплакаться. – Ты так добр!

Послали за отцом Мартином. Священник жил в семье со времен Эдмунда Уиндхема и успел состариться на службе у графов Лэнгфорд. Услыхав сразу все новости: что графиня разрешилась двойней, что новорожденных будут крестить немедленно, что крестным отцом будет сам король, старик засуетился, привел в порядок парадное облачение и велел позвать мастера Ричарда, чтобы тот помогал ему во время церемонии.

Блейз не могла не присутствовать при таком важном в

жизни ее дочерей события, поэтому ее принесли в домашнюю часовню на носилках. Глаза Блисс округлились от негодования, а Блайт с трудом удержалась от смеха, когда они, крестные матери, узнали, какие имена выбраны для девочек. Во время церемонии малышек держала на руках Нисса, их третья крестная. «Джейн Мэри», – почти пропела Блайт. «Энн Мэри», – процедила Блисс, отвечая на вопрос священника.

Король не к месту поклонился, по очереди принял из рук Ниссы детей и передал их отцу Мартину.

После завершения обряда все выпили вина за здоровье новых членов семейства Уиндхем, и король начал готовиться к отъезду.

– Я дам вам знать, когда госпоже Ниссе следует прибыть ко двору, – объявил он Блейз. – Я хочу, чтобы она приехала заранее. Пусть разузнает, где что расположено, что ей положено делать и вообще кто есть кто, если она намерена всерьез служить принцессе, то бишь королеве Анне. Я ожидаю прибытия невесты поздней осенью. У тебя не много времени, моя деревенская девочка, чтобы приготовить дочь к отъезду. Я прослежу за тем, чтобы никто не обидел ее, пока она будет на нашем – моем и королевы – попечении.

Блейз взяла руку короля и, подняв к губам, почтительно поцеловала.

– Благодарю тебя, Гэл, за твою доброту ко всем нам, – вымолвила она и, изнуренная всеми тяготами этого длинного

дня, откинулась на подушки.

Улыбаясь, король отошел от ее постели и вернулся в Большой зал, где попрощался со всеми Уиндхемами и их родней.

– До встречи во дворце, госпожа Нисса. С вами и с вашими братьями. Верно служите королеве, и вы будете моими друзьями, – пообещал он, покидая Риверс-Эдж.

– Ну и денек! – воскликнула леди Морган со вздохом облегчения. – Кто мог знать, какой это будет необыкновенный день, когда он начался так буднично? Три моих внука определены ко двору, и родились сразу две внучки. – Устроившись в большом кресле у камина, леди Морган обратилась к Блисс: – Кстати, когда было решено, что вы возвращаетесь ко двору? Для меня это новость.

– В самом деле, мадам, – подхватил Оуэн Фицхаг. – Я немало удивился, скорее, даже поразился, услышав ваше заявление, хотя и не стал опровергать вас в присутствии короля. Мы даже не обсуждали это, Блисс. Миновали годы с тех пор, как мы были при дворе последний раз. Я не уверен, что теперь мы не окажемся там лишними.

– Ох, Оуэн, не будь таким старым ворчуном! – беззаботно прощebetала его супруга. – Это воистину фантастическая удача для Ниссы. Тридцать первого декабря ей исполнится семнадцать, Оуэн, а она еще даже не помолвлена! Если немедленно что-то не предпринять, она останется старой девой. Королевский двор – самое подходящее место, чтобы найти хорошего мужа для девушки такого кру-

га, как Нисса, и с таким приданым, как у нее. Кроме того, Филипп и Джайлс тоже будут в свите новой королевы, так что Блейз необходимо, чтобы кто-то присмотрел за ее детьми. Мы возьмем с собой Оуэна-младшего и Эдмунда, сына Блайт. Это прекрасно!

– Что? – обескураженно переспросил ее муж.

– Моего Эдмунда? – взвизгнула Блайт.

– Ну конечно! – подтвердила Блисс. – Филипп Уиндхем, Оуэн-младший и Эдмунд Кингсли дружат с самого рождения. Между ними и разницы-то всего несколько месяцев. Они никогда не разлучались надолго, и хотя у Филиппа будут какие-то обязанности, думаю, он сумеет выкроить время, чтобы побыть со своими кузенами. О, для них это будет совершенно восхитительный сезон! – закончила Блисс, с победной улыбкой глядя на своих родственников.

– По-моему, это блестящая идея, – согласился лорд Кингсли. – Парни хорошо проведут время.

– Да, тебе легко говорить, – съязвил его зять, – ты-то таким образом хотя бы несколько месяцев отдохнешь от этих сорванцов.

– А они не станут досаждать мне, тетя? – забеспокоилась Нисса. – Одно дело, если там будут только Филипп и Джайлс, но если к ним присоединятся еще Эдмунд и Оуэн, то прав дядюшка Оуэн: с этой четверкой не сладить. Я не хочу, чтобы они дразнили и изводили меня там так же, как здесь. Ох, и зачем только мама испросила должности и для мальчишек

тоже!

– Не будь эгоисткой, Нисса, – упрекнула внучку леди Морган.

– Вы, бабушка, всегда становитесь на их сторону. Вы ведь знаете, что мне иной раз бывает нелегко справиться со своим настроением. А королевская фрейлина должна быть образцом благопристойности, сдержанности и достоинства. Как же я смогу выполнять эти требования, если мои братцы будут постоянно выводить меня из равновесия?

– Почему это ты так решила? – спросила ее бабушка.

– Да потому что они – маленькие дикари! – в сердцах бросила Нисса. – Им только того и надо – помучить меня.

– Если бы это не было так забавно, дорогая сестрица, – заявил, ухмыляясь, Филипп Уиндхем, – мы бы уже давно оставили тебя в покое.

Леди Морган снисходительно заулыбалась.

– Ты такой непослушный мальчик, Филипп, – нежно проворковала она. – Тебе и вправду следовало бы оказывать больше почтения своей старшей сестре. Она теперь займет положение, какого еще никогда не удаивалась ни одна из женщин нашей семьи. Быть фрейлиной королевы – великая честь.

– Думаю, быть возлюбленной короля – еще большая честь, – вежливо возразил наследник рода Лэнгфордов.

Леди Морган была шокирована.

– Где это ты такого наслушался? – вскричала она, поблед-

нев от возмущения. – Кто рассказал тебе эти басни?

– Ой, бабушка, – вмешалась Нисса, – да мы давно знаем о мамочкиных приключениях при дворе. Она всегда говорила, что лучше сама расскажет нам, чем какой-нибудь недоброжелатель представит все в дурном свете. Папа согласен с ней. И теперь, когда мы знаем правду, никто не сможет смутить нас сообщением, что наша мама несколько месяцев была возлюбленной короля Генриха. Никому от этого никакого вреда не было, никаких незаконнорожденных – тоже. Наоборот, если бы король не чувствовал себя в какой-то мере в долгу перед мамочкой, мы не попали бы теперь ко двору. В конце концов, Уиндхемы из Риверс-Эджа не такие уж важные птицы, чтобы претендовать на должности фрейлин и пажей.

– Ну знаешь ли! – задохнулась леди Морган. – Ну это уж чересчур!

– Ах, мама, да не переживай ты так из-за пустяков! – не выдержала графиня Марвуд. – Нисса абсолютно права и очень здраво рассуждает. Как только при дворе узнают, чья она дочь, на нее обрушится поток грязных сплетен о прошлом ее матери. Для Ниссы, Филиппа и Джайлса гораздо лучше заранее подготовиться и знать правду, нежели пасть жертвой злобных сплетников. Учти, большинству придворных просто нечем заняться, кроме как болтовней. Злословие для них – основной вид времяпрепровождения, способ существования.

– И ты готова сама вернуться к такой жизни, оставив детей на попечение слуг? – драматически воскликнула леди Морган.

Она никогда не уезжала далеко от дома и даже ни разу не была в Лондоне.

Блисс засмеялась:

– Мама, я родила Оуэну трех сыновей и дочь. Он обещал мне, что мы вернемся ко двору, как только дети смогут обходиться без меня. По-моему, это время давно настало.

– И к тому же здесь остаюсь я, – добавила ее сестра. Блайт всегда была миротворцем.

– Наверное, мне нужно сшить новые платья? – встрепенулась Нисса.

Разговоры бабушки и теток слегка раздражали ее. Ведь это она, Нисса, поедет ко двору! А они сидят и бесконечно толкуют об одном и том же, о всяких пустяках. Конечно, дети тети Блисс прекрасно обойдутся без нее.

Блайт тут же поняла состояние племянницы и перевела разговор на интересующую ее тему:

– Я думаю, Ниссе нужно полностью обновить гардероб. Ее платья хороши для деревенской девушки, но отнюдь не для молодой придворной леди. Как ты считаешь, Блисс?

Блисс, признанный эксперт по части моды, энергично кивнула.

– Ее нужно одеть заново с головы до пят, – категорически объявила она, – а у нас не так уж много времени. Новая

королева прибудет в течение ближайших двух месяцев, но король сказал, что Нисса должна быть на месте до ее приезда. Если мы хотим как следует снарядить Ниссу, то должны приступить к делу завтра же.

– Я не очень-то в ладах с иголкой, – призналась Нисса.

– Такой же была и твоя мать, – усмехнулась Блисс. – Когда она выходила замуж за твоего отца, основную часть ее приданого шили мы. Но не беспокойся, Нисса. Ты вовремя получишь все, что полагается. Мы поможем, а твоя мама держит в доме швею. В кладовке, насколько мне известно, хранится множество тканей.

На следующий день, пока ее мать еще отдыхала после родов, Нисса с помощью тетушки Блисс выбрала ткани, из которых должны были сшить ее новые наряды. В свои шестнадцать лет она еще ни разу не выезжала за пределы обширных фамильных владений.

– Только не эти, тетя, – запротестовала Нисса, увидев, как Блисс отложила в сторону несколько роскошных тяжелых отрезов. – Это для меня слишком пышно.

– Это как раз то, что нужно, – возразила графиня Марвуд. – При дворе, дорогая моя, все разряжены в пух и прах. – Она внимательно рассматривала девушку. – У тебя превосходная кожа, Нисса, белая, гладкая. Ты унаследовала от мамы фиалково-синие глаза и ее чудесный овал. Это очень выигрышно сочетается с темно-каштановыми волосами, которые достались тебе от отца.

– Мама говорит, что у меня волосы чуть-чуть светлее отцовских, – заметила Нисса.

Она не могла помнить Эдмунда Уиндхема: когда он умер, ей не было еще и двух лет. Его племянник Энтони, впоследствии женившийся на ее матери, стал ее отцом.

– Твои волосы очень красиво отливают золотом, чего не было у твоего отца, – объяснила Ниссе тетка.

– Геарта говорит, я похожа на него, – сказала Нисса. – Иногда я подолгу смотрю на его портрет в галерее, но он по-прежнему остается для меня незнакомцем. Хотя порой я замечаю некоторое сходство между нами.

– Он был удивительным человеком! – с чувством произнесла графиня Марвуд. – Можешь гордиться тем, что ты его дочь, Нисса. И благодари Бога, что тебе достался его нос, а не курносый носик твоей мамы.

– У моей мамы такой симпатичный носик, – засмеялась Нисса, – но я согласна с вами, тетя. Мне нравится, что у меня прямой нос.

Графиня Марвуд остановила свой выбор на бархате, парче, тафте, шелке. В некоторые ткани были вплетены золотые и серебряные нити. Для отделки нарядов приготовили вороха черных, белых и золотистых кружев. Белье шили из льна, шелка, шерсти и хлопка; чулки – из шелка и из шерсти. Плащи и накидки – шелковые, шерстяные, полотняные, с меховой отделкой. В снаряжение Ниссы входило искусно вышитое постельное белье из тонкого полотна; ночные и дневные

чепчики, шляпы и бархатные капюшоны. Ее новые туфли и ботинки сшили из самой лучшей кожи, и, к восторгу Ниссы, часть из них украсили красивыми камнями. Помимо драгоценностей, украшавших ее одежду, она везла с собой ожерелья, браслеты и кольца.

– У меня никогда не было такого великолепного гардероба! – воскликнула Нисса. – Неужели придворные постоянно так одеваются?

Блейз, уже полностью оправившаяся после рождения близнецов, рассмеялась:

– Ты будешь маленькой синичкой среди разряженных павлинов, дорогая! Совершенно ни к чему, однако, чтобы ты затмевала других роскошью. Ты красивая молодая девушка, Нисса, и благодаря заботам твоей тети одета как раз так, как нужно.

– Ох, мама! У меня в голове все перепуталось! – призналась матери Нисса. – То я счастлива, что еду ко двору, а в следующий миг вдруг ужасно этого боюсь. Я ведь никогда нигде не была. Вдруг я сделаю что-нибудь не так при короле? Вдруг совершу что-то, что навлечет позор на наше имя? Наверное, лучше мне не ехать, – упавшим голосом закончила Нисса.

– Знаешь ли ты, что впервые меня привезла ко двору твоя тетя Блисс? – сказала Блейз. – Твой отец умер незадолго перед этим. Я очень любила его. Его кончина и смерть твоего новорожденного брата чуть не убили меня. Твоя тетка, одна-

ко, решила, что хватит мне предаваться горю; и вскоре после Нового года я вместе с Оуэном и Блисс очутилась в Гринвиче. До этого самым отдаленным от Эшби местом, где я бывала, был Риверс-Эдж. Я плакала, до смерти перепугалась, чувствовала себя неуклюжей и неотесанной, и это несмотря на то что я была взрослой женщиной, уже вдовой, а не юной девушкой. Мне хотелось спрятаться, уехать, но твоя тетя не позволила.

Блисс представили ко двору вскоре после свадьбы с Оуэном Фицхагом, и она сразу почувствовала себя там как рыба в воде. Это – ее стихия, – продолжала Блейз. – Думаю, она сумеет провести тебя невредимой сквозь лабиринты придворных нравов и обычаев. Ты благоразумная девушка, Нисса, доверься ей и следуй ее советам. – Блейз обняла дочь и привлекла к себе. – Но один совет, моя дорогая, я хочу дать тебе уже сейчас. Тщательно оберегай свою репутацию. Твоя девственность – самое большое твоё сокровище, Нисса. Это дар, которым только ты можешь распорядиться, но надеюсь, уверена, Нисса, что ты принесешь этот дар тому человеку, за которого в один прекрасный день выйдешь замуж, ибо именно это он оценит превыше всего. Из-за того, что когда-то я недолгое время была возлюбленной короля, наверняка найдутся дураки и бесстыдники, которые сочтут тебя легкой добычей. Жестко напомни им (а я знаю, что сама ты не нуждаешься в этом напоминании), что ты – законная дочь и наследница графа Лэнгфорда, а не какая-нибудь бес-

путная девка, с которой можно шутки шутить.

– Мама, а король был влюблен в тебя? – осмелилась Нисса задать давно волновавший ее вопрос.

– Он был увлечен мной недолгое время, – ответила мать, – но я не думаю, что он был по-настоящему влюблен в меня. Зато мы с ним стали друзьями, и, наверное, это к лучшему. Я всегда оставалась верной слугой короля, какой, надеюсь, будешь и ты, Нисса.

– Я много раз слышала, мама, что король считался самым очаровательным принцем во всем христианском мире. Но мне он не кажется очаровательным. Он слишком толстый, и от его больной ноги так неприятно пахло, когда он гостил у нас... Не представляю, чтобы даже ради короны я могла выйти замуж за такого мужчину. Не завидую этой бедной женщине, принцессе Клевской. Насколько могу судить, сам король считает себя неотразимым. Не могу поверить, что ты любила его.

Блейз улыбалась. Молодые всегда так строго судят старших.

– Король очень изменился. Располнел. В молодости он действительно был красивым мужчиной. Время, увы, разрушило былое очарование. Мы не замечаем своего возраста так, как его видно другим. Король по-прежнему ощущает себя интересным джентльменом. Со стороны тех, кто его окружает, разумнее всего делать вид, что и они воспринимают его таким же. Никому не хочется стареть, дочь моя, и даже

король бессилен перед разрушительным действием времени.

– Я буду так скучать, мама, по тебе и по папе! – воскликнула Нисса.

– Я тоже буду очень скучать, моя хорошая, – ответила графиня Лэнгфорд, – но что поделаешь, пришло время тебе самостоятельно плыть по реке жизни. Двор откроет перед тобой удивительные возможности. Ты наверняка сможешь найти там хорошего мужа, Нисса. Может быть, это будет человек, занимающий видное положение, может быть – брат какой-нибудь твоей новой подруги. Сколько всего ждет тебя, сколько возможностей!

– Я выйду замуж только по любви, мамочка, – решительно заявила Нисса.

– Любовь часто приходит уже после свадьбы, дитя мое, – ответила мать. – Я лишь однажды, и то мельком, видела твоего отца до того, как вышла за него. Я совершенно не знала его, но Эдмунд был так добр. Очень скоро я от души полюбила его. Его было легко любить.

– Но что, если бы ты так и не полюбила его? – упрямо допытывалась Нисса. – Это было бы ужасно для тебя! Мне кажется, лучше уж я до свадьбы уверю, что полюбила этого человека, чем полагаться на волю случая в таком важном деле. Мисс Фортуна – непостоянное создание.

– Ради Бога, если во всем остальном он будет подходящей парой, – отозвалась графиня. – Ты должна сделать правильный выбор, Нисса.

– Но прежде всего я хочу любить его, – настаивала Нисса.
Блейз улыбнулась старшей дочери.

– Во всяком случае, этому джентльмену чертовски повезет, – с веселой нежностью сказала она.

Глава 2

Король планировал приурочить венчание к Рождеству. В таком хорошем настроении его давно уже не видели. Для празднества выбрали Гринвич, любимый дворец короля. Предполагалось, что за церемонией венчания последуют двенадцать дней торжеств и увеселений. В первый день января новая королева должна была официально въехать в Лондон. Ее коронация в Вестминстере была намечена на второе февраля, канун праздника Сретения.

Пока король пребывал в Хэмптон-Корте. Каждый день он издавал все новые распоряжения относительно свадьбы, празднеств и пиршеств. Генрих Тюдор всецело отдался приготовлениям к торжественному событию. По нескольку раз в день (и всегда в присутствии свидетелей) он извлекал из-за пазухи миниатюрный портрет принцессы Клевской кисти Гольбейна, подолгу любовался им и томно вздыхал, как юноша, впервые мечтающий о женщине. Король всерьез вообразил себя влюбленным. Эта Анна, втолковывал он своим приближенным, совсем не такая, как та Анна. Эта Анна нежная, любящая и благоразумная. Она скрасит годы его заката, когда они – в каком-то отдаленном будущем – наконец неминуемо наступят. Вероятно, у него еще появятся дети от этой симпатичной немецкой принцессы с таким светлым лицом. Все складывается очень хорошо, заверял король. Некоторые

из придворных искренне желали ему счастья в новом браке, но остальные в глубине души полагали, что только выживший из ума дурак в его годы способен верить в романтическую любовь.

Пятого ноября в Хэмптон-Корт прибыл гонец. Принцесса Клевская покинула дворец своего брата-герцога и выехала из Дюссельдорфа. Она прибудет приблизительно через три недели, в крайнем случае – в конце месяца. Принцессу сопровождает огромная свита – двести шестьдесят три человека. Поезд везут двести двадцать восемь лошадей. Одних багажных карет свыше пятидесяти. Такой огромный поезд, естественно, движется крайне медленно. Не выдержав, король послал в Кале узнать новости о прибытии своей невесты. Принцесса сильно запаздывала. Наконец стало ясно, что она доберется до Кале не раньше восьмого декабря. Зять короля Чарльз Брэндон, герцог Суффолк, и первый лорд Адмиралтейства, граф Саутгемптон, отбыли в Кале, чтобы сопровождать невесту. Герцогу Норфолку и премьер-министру Томасу Кромвелю было предписано выехать навстречу и приветствовать принцессу Клевскую в Кентерберии.

Томас Говард, герцог Норфолк, был недоволен выбором невесты. Большинство близких ему людей, включая епископа Гардинера, полагали, что причиной тому религия: невеста была немецкой протестанткой. На самом же деле герцог Норфолк, во-первых, ненавидел Кромвеля, а во-вторых, остро переживал свое устранение из узкого круга правящей

элиты, окружавшей короля. Герцог Норфолк считался первым дворянином Англии. Он привык участвовать в принятии решений, привык играть ведущую роль в Тайном совете. Он автоматически стал противником этого брака, едва услышав о нем, поскольку замысел исходил от Кромвеля. И следовательно, именно Кромвель, которому немецкая принцесса обязана своим возвышением, своим возникновением из мрака безвестности, получит возможность влиять на новую королеву. Кромвель, а не он, Томас Говард, чья безрассудная племянница Анна Болейн когда-то носила английскую корону. И если бы эта дура Анна следовала его советам, то, видит Бог, ее голова – и притом в короне! – до сих пор сидела бы у нее на плечах.

Герцог тяжело вздохнул. Разве мало он претерпел, видя, как на место Анны садится эта Джейн Сеймур со своим постным овечьим личиком? Он безропотно сносил высокомерие ее братьев, Томаса и Эдуарда Сеймуров, этих надменных выскочек из Вульф-Холла. Разве не достаточно того, что он видел успех Сеймуров там, где Говард потерпел поражение? Нынешняя невеста хотя бы королевской крови, одно утешение. Это да еще то, что ему каким-то чудом удалось сохранить за собой пост государственного казначея, несмотря на постигшую их семью опалу и явное нерасположение короля.

Принцесса и ее свита дотащились до Кале только одиннадцатого декабря. Там они вынуждены были задержаться еще на две недели из-за сильнейшего шторма, сделавшего пере-

праву через пролив невозможной до конца декабря.

Анна проводила время, обучаясь игре в карты. До этого она никогда не играла, но схватывала очень быстро. Ее наставник, граф Саутгемптон, объяснил ей, что король обожает эту игру. Анна готова была обучаться чему угодно, если это могло сблизить ее с королем. Двор герцогов Клевских славился скукой и строгими нравами. Карты, музыка и танцы считались непозволительной фривольностью. Анна же находила карточную игру, особенно на деньги, очень захватывающей.

Сотни соискателей претендовали на должности в штате новой королевы. Но, увы, большинство постигло разочарование.

Подъезжая к Хэмптон-Корту, Нисса Уиндхем с трудом сдерживала приятное возбуждение. К счастью, оно все-таки пересиливало нервозность, все более овладевавшую ею с каждой новой милей, удалявшей от Риверс-Эджа. Нисса внимательно наблюдала за тетей Блисс, копируя и запоминая каждое ее движение; она даже научилась не реагировать на поддразнивание братьев. Мальчики же находили ее новое поведение весьма забавным.

Зная, что во дворце для них вряд ли найдется место, Оуэн Фицхаг снял в Ричмонде небольшой домик. Приличное жилье трудно было найти. Чтобы заполучить этот дом, он перебил цену нескольким другим претендентам. Когда-то в мо-

лодости все казалось проще. Во дворце всегда находилось местечко и для них. Однако с тех пор прошли годы, и они давно отошли от придворной жизни. Оуэн недовольно повел бровью. Пребывание при дворе нынче стоит чертовски дорого, подумал он. Мало того, что нужно снимать жилье в Ричмонде, возле Хэмптон-Корта, но придется позаботиться еще и о доме в Гринвиче. Хорошо хоть его зятя не поспешили и щедро оплатили свою долю расходов. В конце концов, если бы не эта затея с Ниссой и парнями, ноги бы его здесь не было.

– Мы будем жить в этом доме, покуда королевский двор в Хэмптон-Корте? – спросила Нисса дядю, когда они въехали в Ричмонд-на-Темзе.

– Ты будешь жить во дворце, – ответила Блисс, прежде чем Оуэн сообразил, о чем идет речь, – так же, как и Филипп с Джайлсом, а вот Оуэн с Эдмундом поселятся с нами здесь.

– Тебе будет нелегко, – сообщил племяннице граф Марвуд. – Хорошо, если достанется отдельная кровать, а скорее всего тебе придется делить ложе с другой девушкой. И большую часть вещей оставишь у нас, потому что там их нелегко будет разместить. Ты должна быть готова в любое время дня и ночи явиться по вызову королевы, для личных дел у тебя останется совсем немного времени. И есть, и спать тебе придется на бегу, как, впрочем, и твоим братьям. Да-с, нелегкое дело – служить королям.

Нисса слегка побледнела, а в глазах промелькнуло удив-

ление: почему никто не сказал ей всего этого раньше? Быть фрейлиной – великая честь, а на деле это, оказывается, просто ужасно! Теперь она от души жалела, что не осталась дома.

Угадав ее мысли, Блисс поспешила утешить:

– Это трудно, дитя мое, не спору, но жить при дворе так увлекательно! Все, что происходит, так значительно. Здесь, Нисса, и блеск, и власть, и могущество. А также джентльмены!

Блисс набросила на голову капюшон и, опершись на руку ожидавшего у подножки лакея, выбралась из кареты. Она окинула критическим взором предназначенную для них резиденцию.

– По-моему, это ошибка, Оуэн. Это, мой милый, обыкновенный коттедж. Ты уверен, что это тот самый дом, который ты снял для нас?

Легко спрыгнув на землю, Нисса подошла к тете и взяла ее за руку. Блисс мимолетно улыбнулась ей.

– Нам повезло, что мы вообще смогли снять хоть какое-то жильё, – раздраженно ответил граф Марвуд. – При дворе и в обычное-то время нелегко устроиться. А уж что говорить сейчас, накануне свадьбы короля! Это, мадам, почти невозможно! Я знаю несколько случаев, когда люди готовы были поселиться в амбарах, в коровниках! Может быть, вы, мадам, предпочитаете соседство коров?

Нисса приснула. Дядя Оуэн, если захочет, умеет иногда

поставить на своем. Обычно он делает вид, что по доброй воле передает бразды правления в цепкие руки тети Блосс, не отдавая отчета в том, что на самом деле она командует им уже много лет. Девушка поспешила разрядить обстановку:

– А мне нравится этот славный домик. Я никогда не жила в городе.

Блосс, наконец осознав положение вещей, отступила:

– Уверена, Оуэн, что ты сделал все возможное. Но почему же мы стоим на дороге? Давайте войдем и посмотрим, что мы имеем.

Войдя внутрь, Блосс вынуждена была признать, что дом совсем не так плох, как она заподозрила вначале. Из маленького холла узкая лестница вела на второй этаж.

– Здесь, впереди, библиотека, там – гостиная, – давал пояснения граф. – На первом этаже есть кухня, хотя основную часть блюд будут приносить из близлежащей харчевни. Наверху – три спальни, на чердаке – помещения для слуг. Сад и конюшня тоже в нашем распоряжении. Это – максимум того, что я мог сделать при данных обстоятельствах.

– В конце концов, не век же нам тут жить, – кивнула Блосс. – Скоро мы поедем в Гринвич.

– В Гринвиче нас ждет домик побольше, – с улыбкой согласился граф. – Его уже арендовали, но в той семье неожиданно кто-то умер, и, само собой, они не смогли приехать. Я как раз вовремя успел перехватить дом и договорился об аренде до апреля. Даже если мы время от времени будем уез-

жать в Лондон, дом в Гринвиче останется за нами. При нем, дорогая, есть небольшой парк. Я уже говорил тебе об этом?

– Нет, не говорил, мой господин, – степенно ответила Блосс. – Твое описание, безусловно, скрасит дни пребывания в Ричмонде.

Беседуя, они вошли в гостиную, где их ожидал привратник, уже успевший разжечь огонь в камине. Обстановка оказалась простая, но повсюду царили чистота и порядок, что было очень важно для Блосс.

– Когда мы должны явиться ко двору, тетя? – испуганно спросила Нисса.

– Не ранее чем завтра, – успокоила ее тетка. – Супруга сэра Энтони Брауна завтра устраивает смотр фрейлинам. Как я слышала, это женщина очень строгая, но добрая. Пажи, насколько я поняла, тоже будут в ее ведении. – Графиня придирчиво осмотрела молодых Уиндхемов. – Вам, мальчики, придется последить за своим поведением. Особенно тебе, Филипп. Ты – наследник своего отца, смотри не урони чести графов Лэнгфордов. Не забывайте, король оказал вашей матери большую милость, приняв вас в свиту королевы Анны!

– Можете не сомневаться, тетя, меня учили этикету, – довольно-таки высокомерно отозвался Филипп Уиндхем. – Я хорошо знаю, какие надежды возложены на меня. Поэтому, полагаю, я не навлеку позор ни на себя, ни на имя моего отца.

– И тогда мы все будем гордиться тобой, – мягко сказал Оуэн Фицхаг, потрепав племянника по плечу и выдержав

осуждающий взгляд своей супруги.

Блисс, однако, не привыкла к тому, чтобы ей перечили:

– Тебе следует быть более осмотрительным, Филипп, и думать, прежде чем говорить!

Вовремя поданный дядей Оуэном знак заставил юного лорда Уиндхема прикусить язык.

– Хорошо, мадам, – только и сказал он.

День уже заканчивался. Блисс приказала побыстрее подать легкий ужин, чтобы ее шумный выводок мог пораньше отойти ко сну.

– Даже если принцесса Клевская еще не приехала, – наставляла она их, – это последняя ночь, когда вы сможете как следует выспаться.

Одну из спален отвели четверым мальчикам. Нисса заняла крошечную комнату, где, помимо кровати, с трудом разместился ее багаж. Юная горничная из Риверс-Эджа, сопровождавшая ее, должна была спать на приставной кровати.

– Ну и теснотища тут, госпожа Нисса, – сказала Тилли (так звали горничную). – Собакам моего папаши и то просторнее в их конурах.

Отец Тилли служил главным лесничим Риверс-Эджа. Сама она была бесхитростной девчушкой с простым миловидным личиком и стройной миниатюрной фигуркой. Густые волосы цвета соломы были заплетены в спускавшуюся ниже пояса косу, а лукавые карие глаза искрились умом.

– Мы недолго пробудем здесь, Тилли, – пообещала ей

Нисса.

– Служанка графини говорит, что утром вы первым делом пойдете во дворец засвидетельствовать свое почтение его величеству и представиться старшей придворной даме. Так что давайте-ка решим, что вам лучше надеть. Утром-то будет некогда.

Нисса кивнула. Тилли была практичной и старательной девушкой. Вот уже десять месяцев она состояла в услужении у Ниссы. Геарта, доверенная служанка ее матери, специально вышколила Тилли для этой цели, выбрав среди других девушек. Тилли, правда, приходилась Геарте племянницей и выросла в Риверс-Эдже. Она была ровесницей своей юной хозяйки.

– Итак, нам надо произвести благоприятное первое впечатление, – задумчиво произнесла Тилли, – но мы не хотим чересчур бросаться в глаза, верно? – Она покачала головой, отвечая на собственный вопрос. – Бургундское? Нет. Яблочное-зеленое? Да нет, пожалуй, и оно не совсем подходит.

– Может быть, это прелестное сиренево-голубое, что так идет к моим глазам? – подсказала Нисса. – Оно такое красивое.

– Да, но в нем вы для новенькой привлечете слишком много внимания, а вы ведь не хотите этого, верно, госпожа Нисса? – Горничная на мгновение замерла в раздумье, и наконец ее осенило: – Из персикового бархата! Это то, что нужно! Вы наденете его, госпожа Нисса, с этой великолепной кре-

мово-золотистой нижней юбкой. Я сейчас же распакую его, чтобы успеть разгладить. Вы будете выглядеть как раз так, как надо – скромная, красивая, хорошо одетая молодая леди. Так что полезайте-ка сейчас в постель и спите – завтра вставать ни свет ни заря. Вам надо будет помыться, а мне – сделать вам прическу. Давайте я помогу вам раздеться и ложитесь, а я все приготовлю на завтра.

Нисса не думала, что сможет быстро уснуть – уж очень она была перевозбуждена, однако сон овладел ею, стоило голове коснуться подушки. Утром, когда Тилли разбудила ее, было еще совсем темно. Неотапливаемая комната за ночь совсем промерзла, и Нисса ежилась под одеялом, не желая вылезать, несмотря на все увещевания Тилли.

– Ванна готова и ожидает вас, госпожа Нисса, – уговаривала Тилли. – Вода же остынет, в эдакой-то холодине! Вам же лучше поторопиться, а то потом продрогнете еще больше!

– Ну и пусть, – капризно бормотала Нисса, поглубже зарываясь в постель. – Здесь так тепло и уютно! – Она прикрикнула на Тилли, пытавшуюся сорвать с нее одеяло, и снова укуталась.

– Сейчас же полезайте в ванну, – твердо стояла на своем Тилли. – Хороша бы я была, если бы позволила вам явиться ко двору как есть, пропахшей с дороги потом и пылью! Уж если бы тетушка Геарта узнала об этом – а эта ушлая Мейбл, что прислуживает леди Bliss, ей бы тут же доложила, – тетушка бы живо меня выдрала как следует, места бы живого

не оставила! Вы ведь не хотите этого, правда, госпожа Нисса? – предположила Тилли. – Одному Богу известно, как я из кожи вон лезу ради вас!

Нисса засмеялась.

– Ты молодец, Тилли, – подтвердила она, спрыгивая с кровати и на ходу сдергивая ночную рубашку.

Она залезла в переносную круглую дубовую ванну и задумалась, то и дело вздрагивая от холода. Иногда Тилли рассуждает точь-в-точь как Геарта, даже с теми же интонациями, и кажется тогда гораздо старше своих лет. Но порой она бывает такой уморительной!

– Я помою вам голову, – строго сказала Тилли. – Волосы после дороги совсем грязные.

Прежде чем Нисса успела ответить, Тилли вылила ей на голову ковшик горячей воды.

– Помогайте мне, и мы управимся вдвое быстрее, – предложила она хозяйке.

– Давай, давай скорее! – вымолвила Нисса, стуча зубами от холода.

Схватив кусок мыла, она быстро намылила тело, в то время как Тилли занималась головой. Дважды вымыв и ополоснув волосы своей госпожи, Тилли наконец распорядилась:

– Ну, теперь быстренько вылезайте, госпожа!

Ловко обернув Ниссу одним большим полотенцем, она стала вытирать ей волосы другим. Растеревшись, Нисса прыгнула в постель, чтобы немного согреться. Тилли протя-

нула ей сухое полотенце:

– Хорошенько еще раз вытрите голову, госпожа, а я спущусь вниз, посмотрю, не найдется ли чего поесть, а то нам уже скоро одеваться.

Пытаясь спастись от холода, Нисса натянула одеяло как можно выше. Она старательно протирала свои длинные темные волосы до тех пор, пока они не стали лишь слегка влажными. Нисса заметила приготовленную для нее одежду, аккуратно разложенную на стуле: корсаж, платье, нижнюю юбку – все без единой складочки. Тилли, должно быть, трудилась всю ночь, чтобы ее хозяйка могла произвести хорошее впечатление, виновато подумала Нисса. Какое это сокровище – хорошая горничная. Ее мать всегда это подчеркивала, но Нисса до сих пор не придавала таким вещам особого значения.

Тилли шмыгнула в комнату, держа в руках поднос.

– Я даже не ожидала такого, – деловито сказала она. – Слава Богу, там оказалась одноглазая старушка, что раньше служила здесь кухаркой. Она дала мне полную чашку овсянки, горячий хлебец, мед, масло и немного горячего вина с пряностями. – Тилли поставила поднос перед Ниссой. – Съешьте-ка это все до крошки. Как я поняла со слов Мейбл, вам, может быть, и не придется сегодня еще раз покушать. Там, при дворе, редко едят, предупредила Мейбл.

– А как же ты? – спросила Нисса, отправляя в рот ложку каши. – Ты нашла что-нибудь для себя?

– Я поем, когда вы уйдете, госпожа. Мейбл говорит, вы, наверное, еще будете несколько дней, покуда не приедет королева, ночевать здесь, а не во дворце. Фрейлинам, чьи семьи живут неподалеку, это разрешают. Но когда королева приедет, тогда, конечно, другое дело, говорит Мейбл.

– Какое счастье, что Мейбл – такой бесценный источник полезных сведений! – Глаза Ниссы искрились от смеха.

– Да она ходит зеленая от зависти, эта Мейбл! – расхохоталась Тилли. – Конечно, ее хозяйка – графиня, но таких графинь при дворе – пруд пруди. Леди Блосс никогда не служила королеве, а вот моя хозяйка будет служить! Бедняжка Мейбл разрывается между завистью и непреодолимым желанием руководить мной, потому что я еще неопытная в таких делах, как в общем-то и вы, госпожа.

– Вытягивай из нее все, что сможешь, и запоминай, – наставляла Нисса. – И из других служанок, с кем познакомишься, тоже. Ты ведь знаешь, я совсем не разбираюсь в здешних обычаях, но мне кажется, я должна научиться, если хочу здесь прижиться. Мама говорит, что это такая небывалая многообещающая возможность для меня. Я не могу обмануть ее ожиданий.

Тилли понимающе тряхнула головой.

– Не беспокойтесь, госпожа Нисса. Я так думаю, мы с вами не пропадем и скоро освоимся. А теперь заканчивайте побыстрее свой завтрак, пока ваша тетушка не начала пилить нас за задержку.

Проглотив остатки хлеба и запив разбавленным вином, Нисса спустилась с кровати. В комнате по-прежнему было холодно, но теперь, поев и вымывшись, она почувствовала себя гораздо лучше. Тилли помогла ей надеть мягкую льняную сорочку со стоячим воротником, обшитым кружевами. Затем она натянула на ножки своей госпожи пару красивых вязаных чулок на шелковых розовых подвязках. После этого пришел черед атласного корсета и нескольких нижних юбок, поверх которых укрепили фижмы – изящную конструкцию из проволоки с тугими подушечками по бокам. На проволочные обручи плотно, без единой складочки, натянули кремовую атласную юбку, расшитую золотыми цветами и драконами. Верхняя юбка из роскошного персикового бархата, с разрезом посередине, очень хорошо гармонировала с ней. В последнюю очередь Тилли надела поверх корсета лиф из такого же бархата, расшитый золотом, жемчугами и мелкими мерцающими топазами, с пышными рукавами и низким вырезом.

По моде того времени девушки просто расчесывали волосы на прямой пробор, оставляя их распущенными. Чтобы прическа не выглядела растрепанной, Тилли надела Ниссе крошечный золотой чепчик. Затем, наклонившись, служанка помогла ей надеть узкие кремовые ботиночки с закругленными носами.

Выпрямившись, Тилли придирчиво осмотрела плоды своих трудов и удовлетворенно кивнула.

– Сейчас я принесу вашу шкатулку с украшениями. Это будет последний штрих.

Когда Тилли вернулась со шкатулкой, Нисса выбрала две нитки жемчуга необычного кремового оттенка. Одна была длиннее, чем другая, и обе опускались ниже выреза ее платья. Она надела на правую руку два перстня, один – с жемчугом, второй – с топазом, и закрыла шкатулку.

– Спрячь это, Тилли. На сегодня достаточно того, что я надела, правда?

– В самый раз, госпожа Нисса, – согласилась Тилли, пряча шкатулку в сундук.

Раздался стук, и в дверь просунулась голова Мейбл. При виде Ниссы глаза служанки округлились.

– Ой и хороши же вы, госпожа! – восторженно охнула она. – Дядя и тетя ждут вас внизу. Они уже готовы.

Тилли подхватила коричневую бархатную накидку, подбитую кроличьим мехом, и протянула Ниссе перчатки.

– Пойдемте, госпожа, – оживленно проговорила она и так быстро метнулась к двери, что Мейбл отскочила, давая им пройти.

Покосившись на семящую за ними рассерженную Мейбл, Тилли не выдержала и подмигнула Ниссе. Они быстро, но осторожно, стараясь не оступиться, спустились по лестнице. Нисса впилась глазами в тетку, стремясь не упустить ни одной детали ее элегантного наряда. В свои тридцать три года Блисс все еще оставалась женщиной выдающейся кра-

соты. Темно-синее бархатное платье, расшитое золотом, серебром и жемчугом, очень гармонировало с ее глазами цвета сапфира. Дерзко бросая вызов моде, Блисс уложила свои прелестные светлые волосы в прическу, изящно закрепленную на затылке золотыми шпильками.

«Я не вижу причин прятать свои красивые волосы под этими жуткими головными уборами, – частенько говаривала она. Затем обязательно улыбалась своему любящему мужу и добавляла: – Оуэн не любит их», – как будто его мнение на этот счет действительно было для нее решающим.

В это утро Блисс первым делом внимательно и критически, сверху донизу, осмотрела племянницу. Наконец она одобрительно улыбнулась. И Нисса, и Тилли вздохнули с облегчением.

– Очень хорошо, дитя мое. Ты выглядишь безупречно. Элегантно, но не вызывающе. Молодая женщина со средствами из хорошей семьи; не какая-нибудь маленькая выскочка, охотница за богатым мужем, жаждущая привлечь к себе внимание дворцовых щеголей и пустомель.

В глазах Ниссы сверкнули огоньки.

– А мне казалось, что меня послали ко двору именно на поиски мужа, – сказала она, чтобы подразнить тетку.

Дядя Оуэн раскатисто захохотал.

– Ты приехала ко двору служить королеве, – спокойно ответила Блисс. – Конечно, если тебе посчастливится встретить джентльмена, который овладеет твоим сердцем и попро-

сит твоей руки, и если он будет тебе под пару, тогда совсем другое дело, дитя мое.

– Именно так, при дворе, ты овладела сердцем дяди Оуэна? – засмеялась Нисса.

– Впервые я встретила дядю в доме твоего отца, – уточнила Блисс.

– Это было в день шестнадцатилетия твоей мамы, – пояснил граф Марвуд. – Твои тетки Блисс, Блайт и Делия приехали в Риверс-Эдж, чтобы отпраздновать это событие. Один взгляд на твою тетю – и я навеки отдал ей свое сердце, так же как Ник Кингсли – Блайт.

– Вы влюбились с первого взгляда? – Нисса до сих пор еще не слышала этой романтической истории и живо ею заинтересовалась.

– С первого взгляда, – подтвердил ее дядя и перевел взгляд на жену: – Разве не так, кошечка?

На лице у Блисс на минуту появилось выражение, какого Нисса никогда раньше не видела.

– Да-а, – мечтательно протянула она, но тут же, вспомнив об окружающих, приняла неприступный вид и заторопилась: – Почему мы до сих пор тут стоим? Нам давно пора быть во дворце. – Блисс повернулась к Тилли: – Ты отлично поработала, девочка. Я не забуду похвалить тебя в следующем письме к сестре. Геарта может гордиться тобой.

– Благодарю вас, госпожа. – Тилли присела в реверансе.

Затем она укутала Ниссу в накидку, расправила складки

и проворно застегнула золотые пряжки.

– А где же мальчики? – спохватилась Нисса, когда они уже вышли из дома.

– Ждут нас в карете, – ответил дядя. – Эдмунд и Оуэн сядут рядом с кучером. Ехать совсем недалеко.

Увидев, что подходят взрослые, кузены Ниссы быстро вскарабкались на козлы. Забравшись в карету, Нисса поздоровалась с братьями, чинно сидящими на передней скамье, спиной к кучеру. Никогда еще она не видела их такими нарядными. Темноволосый, но светлоглазый Филипп больше походил на отца, нежный белокурый Джайлс – на мать. Их одинаковые костюмы были выдержаны в черно-белых тонах: сквозь прорези черных бархатных камзолов виднелись белоснежные атласные рубашки, на ногах – черно-белые полосатые чулки и сапожки из черной кожи. Поверх расшитых жемчугом камзолов красовались длинные, до колен, жилеты из выбеленной оленьей кожи. На груди у каждого висел небольшой золотой медальон с фамильным гербом. К поясам они прикрепили усыпанные камнями ножны с маленькими кинжалами. Голову каждого украшал черный бархатный берет со страусовым пером.

– Вы оба выглядите просто чудесно, – сделала комплимент Нисса.

– Как и ты, сестра, – ответил Филипп Уиндхем.

– Посмотри, Нисса, – похвастался Джайлс, – у меня свой кинжал! – Он продемонстрировал ей сверкающее камнями

оружие. Ножны и рукоятку украшали гранаты, мелкий жемчуг и крошечные алмазы.

– Ты никогда не должен обнажать его в присутствии короля или принца, – напомнила брату Нисса. – Помнишь, мама говорила, что это считается государственной изменой.

Джайлс кивнул, его голубые глаза широко распахнулись.

– Не забуду, – пообещал он.

Филипп, однако, счел себя задетым замечанием старшей сестры:

– Если мне однажды что-то говорят – я запоминаю. Нет нужды повторять сто раз одно и то же.

– Ах, извините, сэр! – насмешливо парировала сестра, усаживаясь и расправляя юбку. – Сама не знаю, почему я вечно забываю, как вы мудры и рассудительны не по годам, виконт Уиндхем. Какой непростительный промах с моей стороны!

Джайлс прыснул, и даже Филипп против воли улыбнулся.

– Вы не должны ссориться, дети! – строго прикрикнула Блисс.

Нисса сложила руки на коленях и погрузилась в молчание, как и ее братья. Карета тронулась и загромыкала по дороге, ведущей к Хэмптон-Корту. По мере приближения ко дворцу движение становилось все более оживленным. Ниссу захватило открывающееся из окна кареты зрелище. По дороге катили самые разнообразные повозки и кареты, некоторые даже более элегантные и роскошные, чем у них. Всадни-

ки и всадницы прокладывали себе путь среди экипажей. Все это двигалось в одном направлении – к Хэмптон-Кортскому дворцу.

Хэмптон-Корт воздвигнул кардинал Вулси, советник короля, на земле, отобранной у рыцарей-госпитальеров ордена святого Иоанна в 1514 году. Формально орден, однако, не продал эти земли, а сдал их в аренду сроком на девяносто девять лет за символическую цену в пятьдесят фунтов. Строительство началось весной 1515 года, а в мае 1516-го здесь в первый раз принимали короля и Екатерину Арагонскую, хотя дворец потом достраивали еще в течение нескольких лет.

Он состоял из трех частей: Главного, Часового и Монастырского дворов. Все здания были красной кирпичной кладки, украшенной темно-синими ромбами. Башни венчали свинцовые купола. На внешней стороне окружавших дворец стен красовались щиты с кардинальскими гербами и терракотовые медальоны – подарок папы римского. По длинной застекленной галерее кардинал обычно прогуливался в ненастные дни. Дворец окружал парк, куда кардинал ежевечерне выходил подышать воздухом. Всего во дворце насчитывалось больше тысячи помещений, одних только спален для гостей – двести восемьдесят. Между двумя огромными кухнями находилась специальная комната, где восседал главный повар, одетый так же нарядно и элегантно, как любой придворный, и руководил действиями своих подчиненных не столько словами, сколько огромной деревянной

ложкой – знаком своей верховной власти.

Все это Блисс рассказала своим племянникам, пока карета медленно катила по запруженной толпой улице.

– Мама один раз видела кардинала, – сказала Нисса.

– Знаю, – ответила Блисс. – Этого человека следовало бояться. Он долго и упорно шел к вершине и вознесся высоко, но падение его было коротким и страшным.

– Мама говорила, что он был верным слугой короля. Почему же его казнили? – вслух удивилась Нисса.

– Король разгневался на него за то, что тот отказался испросить согласие папы римского на развод короля с принцессой Арагонской. Кардинал же знал, что король хочет жениться на Анне Болейн, и ему это не нравилось. Он хотел, чтобы король женился на французской принцессе Рене. Он считал, что Екатерина Арагонская может уступить место французской принцессе, которая родит королю наследника; но Вулси вовсе не намеревался расчищать путь для девчонки Тома Болейна. У кардинала, как и у всех могущественных царедворцев, было много врагов и недоброжелателей. Они поняли, что эту размолвку между королем и кардиналом можно использовать и уничтожить Вулси. Внезапно повсюду начали громко обсуждать довольно-таки экстравагантный образ жизни кардинала. Появились непристойные стишки на эту тему, содержащие оскорбительные для короля намеки. Это заставило короля задуматься: а кто же действительно правит страной – он или кардинал? А король очень не любит, чтобы

его заслоняли.

– Я вспомнила этот стишок! – обрадованно воскликнула Нисса. – Вот он:

– Что ж ты не был при дворе?
– При каком таком дворе?
– В королевском ли дворце,
В Хэмптон-Корте ль – все равно!
– А в чем же их отличие?
– В том, что в одном – величие,
А вот в другом в наличии
Величество одно.

– Автору этого куплета пришлось искать убежища в монастыре, – сообщил им граф Марвуд. – Король ужасно гневался, а когда ему передали слова одного францисканского монаха, побывавшего в Хэмптон-Корте у Вулси: «Да есть у них в Англии вообще король или нет?» – то Генрих Тюдор вышел из себя. Его тщеславие было жестоко уязвлено. Бедный старина Вулси! Король вызвал к себе кардинала и потребовал ответить на вопрос, какое он имел право выстроить для себя такой величественный дворец. Я восхищаюсь ответом, который мгновенно дал Вулси: «Только чтобы предложить его своему сюзерену». И сразу вслед за этим он передал дворец и все поместье королю, целиком и полностью.

– Да-а, он не вывез оттуда ни одной картины, ни одного ковра, ни одного гобелена, – со смехом подтвердила Блисс и

объяснила: – Кардинал питал особое пристрастие к гобеленам. Только за один год он заказал их сто тридцать два. Ковры он любил тоже. Они у него были всех видов, со всех концов света. Однажды из Венеции пришел корабль, на котором прибыло шестьдесят ковров по заказу кардинала Вулси. До чего же он любил красивые вещи!

– Мама говорила, его должны были судить за государственную измену, – сказала Нисса. – Какое преступление он совершил?

– Никакого, дитя мое, – признала Блисс, – но никому и никогда не говори этого. Просто Вулси нажил себе чересчур много врагов. Когда он попал в немилость, его отослали в Йорк и сделали архиепископом. Если бы он начал вести тихую, строгую жизнь, его бы, возможно, оставили в покое, но кардинал был просто не способен на это. Он опять начал строить для себя роскошный дворец. Прослышав об этом, король опять разгневался и в таком состоянии легко позволил убедить себя в том, что Вулси состоит в тайном союзе с иноземцами. До сих пор кардиналу всегда удавалось угодить королю, но в случае с разводом принцессы Арагонской он ничего не смог сделать. Или не захотел? В общем, его арестовали в Ковудском замке и по дороге в Лондон, в Лестерском аббатстве, он умер.

– Король обладает огромной властью, правда? – тихо спросила Нисса. – Мне кажется, теперь я буду его бояться, а раньше совсем не боялась.

– Ты здраво рассуждаешь, Нисса, – кивнула тетка. – Генриха Тюдора надо остерегаться. Он может быть лучшим из друзей, добрым и щедрым; но если становится врагом, то это – смертельный враг. Твоя мать, Нисса, сумела выжить, выстоять во дворце лишь благодаря своему уму. Она никогда не позволяла вовлечь себя в интриги, ни разу не примкнула ни к одной клике, не выставляла напоказ и не использовала свое привилегированное положение. Ты будешь умницей, если сумеешь повести себя так же.

– Ох, наверное, лучше мне вернуться домой, – неуверенно произнесла Нисса, а ее братья моментально преисполнились презрения к такому малодушию.

– Глупости! – нахмурилась Блисс. – Ты получила завидное место, Нисса Уиндхем. В качестве фрейлины ты будешь на виду, на тебя смогут обратить внимание подходящие молодые джентльмены. Выберешь себе мужа, обвенчаешься с ним и будешь жить долго и счастливо. Вот и все, что тебе нужно от королевского двора. Мне стыдно, что дочь моей сестры оказалась такой трусихой. Через месяц, Нисса, тебе уже стукнет семнадцать. Неужели я должна напоминать тебе, что для первого брака это уже многовато? Блейз совершенно ни к чему твои страдания по дому. Ей сейчас нужно заниматься девчушками, а не подыскивать вам подходящие пары. Тебя, Джайлса и Филиппа послали сюда на поиски счастливого будущего. О том, чтобы удрать домой, не может быть и речи!

Филипп и Джайлс выглядели так, будто они вот-вот расхохочутся, но все-таки сдерживались. Они жадно наблюдали, как их старшая сестра, то краснея, то бледнея, в замешательстве слушала жесткие слова.

– Я вовсе не трусиха! – пылая гневом, возразила Нисса. – Просто все это незнакомо мне. Вспомни, тетя, когда ты впервые попала ко двору, ты была уже замужем! Ты приехала ради развлечения, в то время как я должна служить королеве. У меня нет никакого опыта придворной жизни. Да, я ужасно боюсь бросить тень на нашу фамилию, но я не трусиха!

– Нет, ты не трусиха, – поддержал Ниссу дядя Оуэн. – Помню, как я мальчишкой впервые попал ко двору. Мне исполнилось всего шесть лет, и я должен был стать пажом принца Генри, нашего нынешнего короля. До этого я ни разу не покидал отчего дома. Это было ужасно! Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, но действуй так, как вел себя я. Первые несколько дней только кланяйся, наблюдай и задавай вопросы. Не бойся показаться бестолковой. Лучше лишний раз спросить, чем потом запутаться и совершить ошибку. Кстати, новая королева еще не приехала, так что у тебя в запасе несколько недель. Ты можешь хорошенько изучить свои новые обязанности. Старшая фрейлина поможет тебе, но нужно еще повести себя так, чтобы она захотела помочь.

– Спасибо вам, дядя Оуэн, – сказала Нисса. – Я рада, что хоть вы понимаете мои страхи.

Она бросила сердитый взгляд на тетку, но Блисс и бровью

не повела.

Их карета наконец подкатила ко дворцу. К подножке бросился ливрейный лакей, открыл дверцу и помог им поскорее выбраться, дабы к подъезду мог тотчас же подъехать следующий экипаж.

Покуда Блисс стояла на ступеньках, расправляя манжеты, рядом раздался радостный возглас:

– Блисс! Это действительно ты? Не могу поверить! – Пухлая темноволосая женщина с приятным лицом и живыми карими глазами бросилась обнимать графиню Марвуд.

– Адела? Адела Марлоу? В самом деле, это ты! – воскликнула Блисс.

– Растолстела я, да? Это все дети! – рассмеялась Адела Марлоу. – Но ты! Время совершенно не изменило тебя!

– Только любящие друзья могут говорить такие вещи, – улыбнулась в ответ Блисс. – Я уже не та, увы...

Адела Марлоу перевела взгляд на Ниссу.

– Твоя дочь? – спросила она, оценивающе разглядывая девушку. Молоденькая, скромная, наверняка хорошее приданое, подумала она.

– Нет, это старшая дочь Блейз, – объяснила Блисс. – Моя старинная подруга, леди Адела Марлоу, – сказала она племяннице. – А это леди Нисса Кэтрин Уиндхем, Адела. Она будет фрейлиной новой королевы, а два старших сына Блейз – пажами. – Она кивком головы указала на племянников. – Филипп, виконт Уиндхем. Джайлс Уиндхем.

Блисс пришла в восторг, увидев, как грациозно поклонились мальчики и какое впечатление это произвело на Аделу Марлоу.

– Вы уже помолвлены, дитя мое? – обратилась леди Марлоу к Ниссе.

– Нет, мадам.

– Ах, тогда вам обязательно надо познакомиться с моим сыном Генри!

– Прекрасная идея! – поддержала Блисс.

– Блисс, дорогая, – вмешался ее супруг, – вначале нам надо представить Ниссу леди Браун. Она знает, что мы здесь, и будет нас ждать. Поэтому, если мы хотим произвести хорошее впечатление, не стоит задерживаться. – Оуэн решительно взял жену за руку.

– Оуэн прав, – с сожалением в голосе произнесла Блисс и расцеловала подругу. – Мы увидимся позже, Адела, и всласть поболтаем, – пообещала она, но вдруг ее внимание переключилось на сына: – Оуэн! Немедленно слезай с козел и иди сюда! А где Эдмунд Кингсли? Он что, уже потерялся? Похоже, идея притащить вас всех сюда была не такой уж умной.

Ее муж хитро улыбнулся:

– Однако это твоя инициатива. Так что теперь, кошечка, ты несешь за них ответственность.

Блисс бросила на него испепеляющий взгляд, но он с улыбкой повернулся и пошел к дверям, так что она, наспех

собрав свой выводок, поспешила за ним.

Леди Маргарет Браун была супругой сэра Энтони, первого камергера и главного конюшего короля. Он занимал очень, очень высокое место в дворцовой иерархии и был близок к королю. Сэр Энтони ревностно исполнял свои обязанности, и интересы короля были его единственными интересами. Он никогда не участвовал в политических играх между различными группировками придворных. Его преданность лично Генриху Тюдору считалась абсолютной, и супруга сэра Брауна разделяла его чувства. Его верную службу щедро вознаграждали огромными земельными наделами в Суррее, ранее принадлежавшими монастырям Чертси, Мертон, Сент-Мэри и другим. Его жена без труда получила место первой придворной дамы, которого домогались очень многие.

Апартаменты леди Маргарет прилегали к комнатам будущей королевы. Леди Браун сердечно приветствовала графа и графиню Марвуд.

– Кажется, только вчера вы были невестой, леди Фицхаг, – обратилась она к Блисс. – Время будто не коснулось вас. Сколько у вас теперь детей?

– Три сына и дочь, мадам, – ответила Блисс.

– Это они? – спросила леди Браун, близоруко сощурилась.

– Только один из них мой, мадам. Оуэн-младший, поклонись, – велела Блисс и довольно улыбнулась, когда он успешно справился с приветствием. – Далее позвольте мне представить Эдмунда Кингсли, старшего сына моей сестры Блайт

и ее мужа, сэра Николаса Кингсли. А эти двое юношей – Филипп, виконт Уиндхем, и его брат Джайлс, дети моей старшей сестры Блейз, графини Лэнгфорд. Король назначил их пажами в свите новой королевы.

Трое мальчиков по очереди отвесили изящные поклоны, и леди Браун, довольная их хорошими манерами, милостиво кивнула каждому.

– А эта девушка, леди Фицхаг? Кто она?

– Это леди Нисса Кэтрин Уиндхем, мадам. Дочь графа и графини Лэнгфорд. Она должна стать фрейлиной.

Нисса присела в реверансе.

– Фрейлиной? – воскликнула леди Браун со страдальческим выражением лица. – О нет, дорогая, только не это! Множество девиц из знатных семей явились ко двору с целью стать фрейлинами. Но у нас просто нет стольких вакансий! Я рада бы помочь вам, леди Фицхаг, но не могу.

– Я не вполне ясно выразилась, – извинилась Блисс, но муж услышал в ее голосе металл. – Нисса уже назначена на пост фрейлины самим королем, лично, когда он в октябре был с визитом в доме моей сестры и стал крестным отцом двум ее новорожденным детям. Нисса – дочь Блейз Уиндхем, леди Браун. Мы здесь сегодня, потому что король вызвал ее сюда. Назначение Ниссы – свершившийся факт. – Блисс улыбалась, но глаза грозно блестели. Никто не посмеет отобрать эту должность у ее племянницы!

– Ох! – отвечала леди Браун. – Я не знала. Дочь Блейз

Уиндхем, говорите вы? Имя знакомое, но я не могу точно припомнить, о ком идет речь.

Девушка премиленькая и к тому же с хорошими манерами, но совершенно никому не известная. Несколько дюжин семейств осаждали леди Браун просьбами о назначении их дочерей фрейлинами; семейств, куда более важных и знатных, чем эти Уиндхемы; семейств, недвусмысленно жаждущих щедро отблагодарить ее. Король наверняка уже забыл обещание, данное этому юному созданию. Нужно ее поскорее спровадить отсюда.

– Мою мать называли «тихая подруга короля», мадам, – вдруг сказала Нисса. Заметив выражение лица леди Браун, она инстинктивно отреагировала на него. – Мама недолго оставалась возле короля, но я уверена, что вы помните ее. Она навсегда осталась преданнейшей из слуг и верным другом короля.

– Вы чересчур смелы, дитя мое, – сурово одернула Ниссу леди Браун, но и Блисс, и Нисса знали, что она уже побеждена. – Вы бывали когда-нибудь при дворе? – спросила леди Браун, заранее зная ответ. – В таком случае вам придется очень многому научиться за короткое время. Начиная с завтрашнего дня каждое утро после мессы вы должны являться ко мне с докладом. Пока мы здесь, в Хэмптон-Корте, можете ночевать у своих родных, ведь найти сейчас место во дворце просто немыслимо. Спальня фрейлин занята гостями. Но все изменится, когда мы переедем в Гринвич. Тогда вы должны

будете находиться при королеве постоянно, пока она сама не разрешит вам куда-либо отлучиться.

– Да, мадам, – сказала Нисса приседая.

Кивнув, леди Браун повернулась к Блисс:

– Те же инструкции и для пажей, леди Фицхаг. Как я понимаю, они никогда еще не бывали вне дома. Надеюсь, они не заскучают и не раскапризничаются. Мне некогда с ними возиться.

Филипп и Джайлс с негодующим видом выслушали эти слова.

– Пойдемте, дети, – сказала Блисс. – Мы покажем вам дворец: надо же вам знать, что где находится.

– Хорошая мысль! – одобрила леди Браун. – Не забудьте, леди Нисса Уиндхем: каждое утро после мессы!

– Не забуду, мадам, – склонившись в очередном реверансе, ответила Нисса.

Когда они благополучно покинули комнаты леди Браун, Блисс, смеясь, сказала:

– Как же ей хотелось перепугать нас до смерти, Нисса!

– Может быть, это было бы к лучшему? – задумчиво произнесла Нисса.

– Перестань, Нисса Уиндхем! – резко возразила Блисс. – Этот случай нельзя упустить. Твоя мать разгневется, если ты вернешься домой несолоно хлебавши. Чтобы нас испугать, нужно кое-что пострашнее, чем леди Браун. Она думает только о подарках, которые сможет получить от благодарных

родителей, чьих дочерей она определит в фрейлины. Все на свете продается и покупается, дитя мое. Твоя мать сполна заплатила за твое назначение много лет назад. Король всего лишь вернул ей долг, и он знает об этом, поверь мне.

Нисса промолчала. Вскоре они вошли в зал, где их, как показалось Ниссе, подкарауливали лорд и леди Марлоу. Рядом с ними стоял подросток с прыщавой физиономией, нервно дергающий ногой и явно чувствующий себя не в своей тарелке. Он вспыхнул от смущения, услышав, как его мать воскликнула:

– Сюда, Блосс, сюда! Мы здесь!

Лорд Марлоу и граф Марвуд возобновили старинное знакомство, а леди Марлоу горделиво представила Блосс своего сына Генри. Ясно было, что она задумала женить своего отпрыска на Ниссе. Мужскую половину семейства Уиндхем и их кузенов изумили такие темпы.

Оуэн Фицхаг решил взять дело в свои руки:

– Я пообещал мальчикам показать арену для турниров и корты. Почему бы вам, лорд Марлоу, и вашему сыну не пойти с нами?

Оба Марлоу с готовностью согласились. Когда мужчины скрылись из виду, Блосс поинтересовалась:

– Сколько лет сейчас Генри? Такой тихий, спокойный мальчик, совсем как отец.

– Двенадцать, – с глубоким вздохом ответила Марлоу. – Он очень похож на Джона. И не только внешне.

– Ниссе в конце декабря минет семнадцать, – попыталась Блисс как можно деликатнее развеять иллюзии своей приятельницы. – Мы надеемся найти для нее при дворе хорошую партию. Покамест ее сердце свободно. Ты ведь знаешь, она единственная наследница своего отца. У нее есть собственное имение, Риверсайд, земли, доставшиеся ей от него, и кое-какие средства, подаренные ей отчимом, который в ней души не чаёт. Девушка она довольно своенравная и упрямая, поэтому, мне кажется, ей нужна твердая рука, чтобы направлять ее, рука мужа опытнее и старше ее.

«Они обсуждают мою судьбу так, будто меня здесь и нет», – рассерженно подумала Нисса и решила вмешаться:

– А разве вы, тетя, в юности не были своенравны и упрямы? Я помню, мама об этом рассказывала.

– Своенравна? Я? Да обо мне в жизни такого не говорили! – вскричала Блисс, но и ее подруга, и племянница только засмеялись в ответ.

Найдя уединенный уголок, подруги уютно расположились на диване.

– Расскажи мне о своей семье, – попросила Адела Марлоу, и они принялись подробно описывать друг другу последние годы.

Видя, что они всецело поглощены беседой, Нисса тихо скользнула в сторону, в толпу гомонящих придворных. За окнами виднелся парк; открыв небольшую дверцу, Нисса очутилась среди деревьев, с радостью вдыхая свежий утрен-

ний воздух. Тучи, закрывавшие небо ранним утром, когда они ехали во дворец, рассеялись, и теперь с голубого неба довольно ярко для ноября светило солнце. Нисса сделала долгий глубокий вдох. Во дворце чересчур людно, и, как подсказало Ниссе обоняние, далеко не все разряженные леди и джентльмены столь ревностно относились к мытью, как она сама. Так хорошо побыть здесь, на воздухе.

Нисса потихоньку прогуливалась по парку, который украшали маленькие водоемы, каменные изваяния геральдических животных. Все деревянные оградки и перила были выкрашены в зеленое с белым – цвета Тюдоров. Заботливо ухоженные клумбы уже подготовили к приходу весны. Вскоре Нисса обнаружила, что не одна здесь. Улыбаясь, к ней подошел мальчик и поклонился.

– Вы – новенькая при дворе, леди, – плутовато усмехнулся он. – Я знаю наперечет всех красивых девушек. Я – Ганс фон Графстейн, личный паж принцессы Клевской.

Сдернув с белокурых волос берет, он поклонился еще раз, более вежливо.

Нисса сделала реверанс.

– Я – леди Нисса Уиндхем, буду служить новой королеве. Сам король назначил меня ее фрейлиной.

– Вы ей понравитесь, – уверил Ганс. – Вы молоды и не так задираете нос, как большинство здешних леди.

– Два моих брата назначены пажами, – сообщила Нисса. Этот мальчик не внушал ей такого страха, как те люди, кото-

рых она видела во дворце. – Сколько вам лет? Мне кажется, вы младше моего брата Филиппа, но старше Джайлса.

– А сколько лет вашим братьям?

– Тринадцать и девять.

– А мне одиннадцать, – сообщил паж. – Посол герцога Клевского – мой дядя, старший брат моей матери, поэтому я здесь. А кто ваши родители, леди Нисса?

– Я дочь графа и графини Лэнгфорд, – ответила Нисса, не считая нужным объяснять, что Энтони – ее отчим.

– Мне кажется, это не очень известный род, – удивился Ганс. – Как же вам удалось получить такое почетное назначение?

«Что же, интересно, я должна говорить ему?» – спросила себя Нисса, и вдруг какой-то голос изнутри подсказал ей: «Говори правду».

– Моя мать много лет назад была возлюбленной короля, – призналась она. – Они остались добрыми друзьями. Когда мама попросила его об этом месте, король с радостью согласился.

Нисса с облегчением увидела, что Ганс вовсе не шокирован ее откровениями. Но вдруг он спросил:

– Так вы – дитя короля, леди?

– О нет, сэръ, нет! – воскликнула Нисса, вспыхнув до корней волос. – Мой отец – Эдмунд Уиндхем, третий граф Лэнгфорд. Я рождена в законном браке. Моя мать уже была вдовой, когда познакомилась с королем. – Теперь ей пришлось

объяснять все до конца. – Впоследствии моя мать вышла замуж за племянника моего отца, то есть единственный отец, которого я помню, – мой отчим.

– А-а, теперь понятно, – улыбнулся Ганс.

– Расскажите мне о леди Анне, – попросила Нисса. – Я слышала, она прекрасна лицом и добра сердцем. Я счастлива, что буду служить ей. Какая она на самом деле? На каком языке я буду говорить с ней?

Мальчик выглядел изумленным.

– Вы говорите по-немецки?

– По-немецки, я? Нет, конечно.

– Тогда вы не сможете говорить с леди Анной, потому что это единственный язык, которым она владеет. – Нисса впервые обратила внимание, что и паж говорит с легким акцентом. – В нашем герцогстве женщинам, даже знатым дамам, не принято давать такое образование, как у вас, в Англии. Бог и дом – вот что должны знать наши женщины.

– Как же она будет общаться с королем? – удивилась Нисса.

– Думаю, это не имеет значения, – откровенно ответил Ганс. – Она приехала скрепить политический союз и рожать детей. Для этого не нужно много говорить.

– Ох, боюсь, Ганс, вы ошибаетесь, – вздохнула Нисса. – Моя мама всегда рассказывала, как высоко ценит король образованных, умных, блестящих женщин. Он любит музыку, танцы, карты. Чтобы понравиться ему, нужно все это знать.

Одной красоты недостаточно для короля, хотя, конечно, он предпочитает красивых женщин.

– В таком случае пропала моя леди Анна, – сказал мальчик. – Ее не назовешь красавицей, ни на каком музыкальном инструменте она не играет, и в карты тоже. Ну а танцы и все такое при нашем дворе считаются распутством.

– Боже мой, – воскликнула Нисса, – что же будет с ней, если король останется ею недоволен? Ганс, вы должны научить меня нескольким фразам по-немецки, чтобы я могла хоть немного помочь леди Анне освоиться в чужой стране.

Какая она добрая, подумал мальчик. Ни одной из дам, назначенных в свиту принцессы Анны, не пришла в голову мысль о том, как можно помочь новой королеве, сделать ее жизнь более легкой и приятной. Что ж, он поможет Ниссе Уиндхем. Пробыв в Англии несколько месяцев, он понял, что его бедную госпожу ожидают здесь трудные времена. Ее воспитали в строгости и замкнутости. Английский двор не мог не шокировать ее.

– Я помогу изучить наш язык, госпожа. Какими еще языками вы владеете?

– Немного французским, немного латынью, – просто ответила Нисса. – И еще чуть-чуть читаю по-гречески. Видите ли, я выросла в деревне и никогда не думала, что попаду во дворец.

– А чему еще вас учили? – заинтересованно спросил паж.

– Основам математики, чтению и письму – этим я владею

хорошо. Немного знаю историю, – улыбнулась ему Нисса. – Языки даются мне легко, вот математика – гораздо сложнее. Но мама говорит, что женщина должна уметь считать, чтобы слуги или торговцы не могли ее обмануть.

– Ваша мама, должно быть, практичная женщина, – сощурился ярко-голубые глаза, засмеялся паж. – У нас на родине таких ценят. Принцесса тоже практичная женщина.

– Боюсь, ей придется стать такой, если она будет иметь несчастье не понравиться королю, – сочувственно сказала Нисса. – Бедная женщина! Как это тяжело – приехать издали в совершенно незнакомую страну, с чужим языком и обычаями. Как вы думаете, Ганс, сумеет она выучить английский?

– Она неглупа, – ответил Ганс, – и хотя на первых порах ей придется нелегко, думаю, потом она полюбит Англию. Ей понравится здешняя свобода нравов. Мой дядя, который хорошо ее знает, говорит, что она женщина высокой души, несмотря на полученное ею воспитание. Наши женщины должны быть кроткими, скромными и благопристойными. И все.

– Но не английские женщины, – усмехнулась Нисса. Мальчик уставился на нее.

– Вы такая красивая, когда улыбаетесь, – серьезно сказал он. – Жаль, что я слишком молод и недостаточно знатен для графской дочери. Но мы ведь можем стать друзьями, не правда ли?

Ниссу поразила его откровенность, но она сумела улыбнуться еще раз. Он был действительно очень мил, и с ним она чувствовала себя в безопасности.

– Конечно, мы подружимся. Я познакомлю вас с моими братьями. Может быть, вы и их немного поучите немецкому, чтобы они могли быть по-настоящему полезны принцессе, то есть королеве. Да, она будет королевой, и мы должны думать о ней как о королеве, Ганс фон Графстейн.

– Я провожу вас во дворец. – Он предложил ей руку. – Поднялся ветер, а вам сейчас нельзя простужаться, иначе другая претендентка перехватит место.

– Это уж наверняка, – согласилась Нисса, опираясь на его руку. – Леди Браун уже пыталась отпугнуть меня, когда я представлялась ей сегодня. Но я прибыла сюда с твердым намерением служить королеве, и я буду служить ей верно и преданно, так, как я это понимаю.

Войдя в зал, Нисса нашла свою тетю и леди Марлоу все так же увлеченными беседой. Они даже не заметили ее отсутствия. Она начала представлять им племянника посла, но леди Марлоу, как оказалось, уже знала его.

– Барон фон Графстейн, – с деликатной улыбкой поправила она Ниссу. – Я не ошиблась, сэр? – Леди Марлоу поклонилась.

Мальчик раздраженно тряхнул головой. Ему не нравилось быть бароном, но что делать? Его отец умер два года назад, а он был старшим из сыновей. Хорошо хоть, что вместе с

титолом он автоматически наследует богатство.

– Ганс будет учить меня немецкому языку. Принцесса Анна говорит только по-немецки, – сообщила дамам Нисса. – Мне нужно брать у него уроки каждый день, пока королева не приехала. Если я смогу хоть немного с ней объясниться, то буду более полезна ей, правда, тетя?

– Разумеется! – поддержала Bliss, очень довольная рассуждениями Ниссы. Она готова держать пари, что ни одной другой новоиспеченной фрейлине просто в голову не придет выучить язык, на котором можно объясниться с королевой. Bliss одобрительно пожала руку племянницы.

Вскоре вернулись джентльмены, которых тут же познакомили с Гансом фон Графштейном. Молодые люди понравились друг другу. Однако Нисса по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке. Ее братья и кузены, казалось, уже вполне освоились в новой обстановке. И тетя вела себя так, будто никогда не покидала дворца. Может быть, когда наконец приедет королева, и она, Нисса, должна будет что-нибудь делать, а не просто стоять столбом. Внезапно Нисса ощутила на себе чей-то взгляд. Обернувшись, она поняла, что ее разглядывает стоящий на другом конце комнаты богато одетый джентльмен. В замешательстве Нисса почувствовала, как ее щеки заливают волна краски; ей стало еще неуютнее. Она дотронулась до руки леди Марлоу.

– Кто вон тот джентльмен, что разглядывает меня?

Адела Марлоу бросила быстрый взгляд туда, куда ей ти-

хонько указала Нисса, и вдруг тоже покраснела.

– Святые мощи! Это граф Марч. Один из внуков Норфолка. Говорят, он незаконнорожденный. О нем идет дурная слава, дитя мое. Завзятый сердцеед! Губитель женщин! Не оборачивайтесь, а не то он решит, что вы его поощряете. Ни одна добродетельная девушка не пожелает, чтобы ее видели рядом с Варианом де Винтером, а уж если девушку заметят с ним наедине, то на ее репутации можно ставить крест!

– Он очень хорош собой, – тихо сказала Нисса и подумала, что по виду он никак не похож на негодяя.

– В общем-то да, – признала леди Марлоу, – но это очень опасный человек. Господи, да мне о нем говорили, что...

Она понизила голос и стала нашептывать что-то Блисс. Нисса не услышала ни слова. Блисс вдруг заалела.

– Матерь Божия! – только и выдохнула она.

– Я, конечно, и не предполагаю, что ты захочешь рассказать мне, – съязвила Нисса.

– Ты еще слишком молода! – патетически воскликнула тетка.

– Я достаточно взрослая, чтобы самостоятельно искать себе мужа, – напомнила ей Нисса.

– Есть вещи, которые женщине всегда рано знать, – мягко парировала Блисс, – а это как раз такая история.

Давние подруги вернулись к прерванной беседе, а Нисса украдкой бросила взгляд на Вариана де Винтера. Теперь он разговаривал с каким-то осанистым джентльменом и, к сча-

стью, не обращал на нее внимания. У него такое мужественное, ястребиное лицо, очень темные волосы; Ниссу заинтересовало, какого же цвета у него глаза. Неожиданно он резко повернул голову и взглянул прямо на нее. Прижав пальцы к губам, он с издевательской улыбкой послал ей воздушный поцелуй. Спohватившись, Нисса отвернулась, но слишком поздно. Ее щеки пылали. Ну каков наглец! Она не осмеливалась оглянуться, но затылком чувствовала на себе его пожирающий взгляд.

В течение последующих нескольких дней Нисса каждое утро после мессы исправно являлась к леди Браун. Ее представили старшим придворным дамам новой королевы. Две из них, леди Маргарет Дуглас и маркиза Дорсетская, были племянницами короля; герцогиня Ричмондская тоже состояла в родстве с ним, поскольку была замужем за незаконным сыном короля от Элизабет Блаунт. Две графини: графиня Гертфорд и графиня Рутланд, а также леди Адли, Рочфорд и Эджкомб, плюс еще шестьдесят пять женщин низшего ранга состояли в штате королевы. Познакомили Ниссу и с графом Рутландом, назначенным лордом-камергером новой королевы. В его обязанности входило управление всей свитой. Узнала она и сэра Томаса Дэнни, будущего старшего секретаря королевы, и его преподобие доктора Кайе, капеллана.

В штате королевы должно было быть двенадцать фрейлин. Пока лишь Кэтрин и Энн Бассет, дочери губернатора

Кале, а также Нисса Уиндхем не сомневались в своем назначении. Имелся список претенденток, из которых предстояло выбрать фрейлин, нескольких дам королева привезет с собой. Большинство из них, безусловно, рано или поздно вернутся на родину, освободив места для английских девушек, но одна или две останутся с леди Анной навсегда. Разумеется, такая жесткая конкуренция не могла не вызывать недовольных разговоров по поводу назначения на одно из этих мест никому не известной провинциалки.

Однако король быстро положил конец всяким пересудам, обласкав Ниссу на второй день ее пребывания во дворце. Производя смотр новой свите вместе с леди Браун, король Генрих обратился к ней по имени. Нисса вышла вперед и сделала перед ним глубокий реверанс. Король сам помог ей подняться и расцеловал в обе щеки.

– Итак, моя юная леди Уиндхем, вы благополучно прибыли во дворец. И что же вы о нем думаете? Как непохож он на все то, что вы видели до сих пор, не так ли?

– В самом деле, ваше величество, так! Я никогда не уезжала так далеко от дома. Леди Браун, не жалея усилий, обучает меня, чтобы я могла быть полезной нашей милостивой королеве. Я даже начала учить немецкий!

Король остался доволен.

– Разве она не так же мила, как ее дорогая мать, друзья мои? – обратился он к своим приближенным. – Вы ведь помните Блейз Уиндхем, мою деревенскую девочку? Так вот

это ее дочь, леди Нисса Кэтрин Уиндхем. Я лично назначил ее в свиту новой королевы и пообещал ее матери, что мы тут присмотрим за ней. – Он ласково потрепал Ниссу по плечу. – Ну, милое дитя, ступай к леди Браун.

Нисса еще раз присела под одобрительным взглядом короля.

– Ну-с, – промурлыкала леди Рочфорд на ухо леди Эджкомб, – это местечко занято прочно. Он достаточно ясно дал это понять, не правда ли?

– Воистину так, – согласилась леди Эджкомб. – Боюсь, это сделано в пику леди Браун. Всего двенадцать мест, и по крайней мере половину из них займут немки. Маргарет надеялась пожить хотя бы с оставшихся шести, но король отдал три из них девушкам, находящимся под его особым покровительством.

– Я еще понимаю, почему он назначил девочек Бассет, – прошипела леди Рочфорд. – Анна служила королеве Джейн, а Кэтрин близка герцогине Суффолк, но эта выскочка Уиндхем – просто никто! Только потому, что ее мать была одной из игрушек короля бог знает сколько лет тому назад... – Глаза леди Рочфорд вдруг округлились: – А вы не думаете, что теперь король заинтересовался дочерью?

– Опомнитесь! – возразила леди Эджкомб. – Он опять жених и не расстается с портретом невесты. Сейчас ему не до новых женщин. Кстати, эта девица годится ему в дочери.

– Новая королева тоже годится ему в дочери, – много-зна-

чительно отметила леди Рочфорд. – Она всего на пять месяцев старше принцессы Марии.

Леди Эджкомб казалась шокированной.

– Вы просто сошли с ума, если говорите вслух такие вещи! Вам следовало бы радоваться, что сами не лишились милости короля, несмотря на такие опасные родственные связи.

– Эти связи возникли только вследствие моего замужества, а теперь я вдова, – ответила леди Джейн Рочфорд. – Не забывайте, что по материнской линии я сама состою в родстве с королем, хотя, конечно, это совсем не безопасно.

– В один прекрасный день, Джейн, вы лишитесь головы, – предупредила леди Уинифред Эджкомб. – Что касается леди Ниссы Уиндхем, то ее мать и король остались друзьями. К тому же, как меня уверяла леди Марлоу, девушка – богатая наследница.

– Значит, у девчонки было чем подкрепить свое ходатайство, только и всего, – сделала вывод леди Рочфорд. – Нет, я считаю, что лишь высшая знать имеет право служить королям. Так по крайней мере было при королеве Джейн. И раньше тоже...

Она намекала на свою злополучную золовку Анну Болейн. Джейн Рочфорд имела несчастье состоять в браке с братом Анны Болейн, Джорджем. Но теперь в конце концов в выигрыше осталась она, Джейн. Оба они, и брат и сестра, мертвы, а она жива и снова вошла в милость. Леди Рочфорд бросила взгляд через комнату на Ниссу Уиндхем, и губы ее скри-

вились в злобной усмешке. Эта девчонка молода, красива и богата, но даже этого недостаточно, чтобы благополучно выжить при дворе. Тут нужно быть еще и очень умной. Если же ты недостаточно хорошо соображаешь, твоя песенка спета. Так что придется этой девушке быстро поумнеть.

Глава 3

В конце концов утвердили всех шестерых фрейлин-англичанок: сестры Бассет, Кэтрин Кэри – дочь Уильяма Кэри и Мэри Болейн; Кэтрин Говард – племянница герцога Норфолка; Элизабет Фицджеральд – младшая дочь графа Килдара, прозванная Килдарской сиротой; Нисса Уиндхем. К радости леди Браун, король позволил ей по своему усмотрению распорядиться оставшимися шестью вакансиями.

– Немецким фрейлинам придется поскорее обратиться во свояси, – объяснил ей король. – Если моя невеста становится королевой Англии, то пусть ей служат англичанки, не так ли, леди Маргарет?

– Разумеется, ваше величество, – с облегчением улыбнулась леди Браун. Теперь она сможет наверстать упущенное.

Нисса и сестры Бассет были старше других фрейлин, но сестры держались особняком и задирали нос, так как неизменно гордились своей родовитостью и тем, что их отец занимал пост губернатора Кале. К тому же старшая, Анна, привлекала всеобщее внимание в начале лета, когда король подарил ей коня и седло. В этом не было ничего особенного, но кое-какие слухи все-таки поползли. Сестры давно уже в той или иной степени жили интересами придворной жизни, и их высокомерие весьма раздражало Ниссу.

– Да не обращай ты на них внимания, – смеясь, уговари-

вала ее маленькая Кэтрин Говард. – На эту парочку болтливых сорок!

– Тебе легко говорить, – отвечала Нисса. – Ведь ты – Говард, а я – всего лишь Уиндхем. К тому же ничего не смыслю в придворных обычаях.

– Вздор! – вмешалась Элизабет Фицджеральд. – Я выросла при дворе и могу сказать, Нисса, что твои манеры безупречны.

– Вот именно, – подтвердила Кэтрин Кэри. – Никто в жизни не догадается, что ты новенькая. Честное слово!

Эти дружелюбные, милые девушки пятнадцати-шестнадцати лет, одна красивее другой, очень нравились Ниссе. Кэтрин Говард – миниатюрное создание с каштановыми локонами и глазами цвета лазури, Кэтрин Кэри – черноглазая блондинка, у Элизабет Фицджеральд, наоборот, темные волосы и голубые глаза. Хорошее настроение, шаловливость и лукавство ни на минуту не покидали их. Многие придворные уже домогались их общества. У леди Браун хлопот был полон рот.

Принцесса Клевская прибыла в Кале одиннадцатого декабря, но природа упорно сопротивлялась ее приезду в Англию. Стало ясно, что ни о каком венчании на Рождество не может быть и речи, однако жизнь при дворе так и кипела. Каждый день все новые высокородные гости приезжали в Хэмптон-Корт, чтобы присутствовать на свадьбе короля и выразить свое почтение новой королеве.

Двадцать шестого декабря погода немного улучшилась, и первый лорд Адмиралтейства пришел к заключению, что если они не отплывут немедленно, то застрянут в Кале до весны. Переправа началась в полночь и оказалась легкой и приятной. В пять часов корабли пришвартовались в Дейле, где будущую королеву ожидали герцогиня Суффолкская, епископ Чичестерский и другие важные особы. Едва принцесса Анна со свитой успела сойти на берег и разместиться в Дуврском замке, как снова разыгралась непогода. Начался настоящий декабрьский шторм, сопровождаемый снегом и ледяным ветром. Никто из старожилов не мог припомнить такого холода.

Тем не менее Анна настояла на немедленном выезде в Лондон. Двадцать девятого декабря она въехала в Кентербери, где ее встречал почетный эскорт в триста человек в багряно-золотых одеждах и приветствовал архиепископ Кранмер. Принцесса получила временное пристанище в монастыре Святого Августина. На следующий день кортеж продолжил путь и в новогоднюю ночь достиг Рочестера, где Анну ожидал герцог Норфолк в сопровождении сотни всадников в зеленых бархатных плащах с золотыми цепями. Они проводили ее во дворец епископа, где ей предстояло прожить следующие два дня и где ее уже ожидала леди Браун с пятьюдесятью новыми придворными дамами, в числе которых были и шесть фрейлин.

Представ перед королевской невестой, леди Браун с тру-

дом смогла скрыть недоумение. Стоявшая перед ней женщина имела весьма отдаленное сходство с портретом Гольбейна, которым так восхищался король. Делая реверанс, леди Браун вспомнила четверостишие, сложенное по этому поводу при дворе:

Если ваш таков портрет,
Что его прекрасней нет,
То увидеть мы хотим,
Как поладите вы с ним.

Женщина с нежным взглядом, изображенная на портрете, не выглядела крупной, но оригинал оказался высокой сухопарой леди с резкими чертами лица. Пожалуй, она едва ли не одного роста с королем! Цвет лица принцессы не то чтобы бледный, но как-то слегка отдавал желтизной. Лучшее, что в ней есть, решила леди Браун, – это глаза: ярко-голубые, красиво очерченные, выразительные. Анна ласково улыбалась. Это была приятная, добрая улыбка, но англичанка уже поняла, что ничто в принцессе не привлечет внимания короля. Это совершенно не тот тип женщин, который нравился Генриху Тюдору.

Маргарет Браун и ее муж уже много лет жили при дворе. Они знали, что король, будучи мужчиной крупным и породным, предпочитает тем не менее миниатюрных женщин, изящных и элегантных. Но эта! Валькирия! Дева Рейна! Все, все в ней не так! А эта одежда?! Ужасная, абсолютно немод-

ная, просто чудовищная! Голову принцессы венчал сложной конструкции головной убор, полностью скрывавший ее волосы и создававший иллюзию еще более высокого роста.

– Добро пожаловать в Англию, мадам! – выдавила леди Браун, вспомнив о своих обязанностях. – Я – леди Маргарет Браун, назначена его величеством вашей первой придворной дамой. Кроме того, я руковожу вашими фрейлинами. Шесть из них уже здесь, и, с вашего позволения, я их вам представлю.

Леди Браун снова склонилась в реверансе. Юный барон фон Графстейн перевел слова принцессе. Когда он кончил говорить, принцесса так оживленно закивала, что головной убор едва не свалился.

Леди Браун подала знак пажу, стоящему у дверей. Филипп Уиндхем распахнул створки, и в зал вошли шесть английских фрейлин в своих изящных нарядах. Увидев Анну Клевскую, все они замерли на месте, а сестры Бассет не смогли сдержать удивленных возгласов. Бросив на них свирепый взгляд, леди Браун вполголоса подсказала: «Реверансы!»

Девушки поспешно исполнили указание.

– Каждая из вас должна выйти вперед, когда я представляю вас ее высочеству, – проинструктировала леди Браун и повернулась к Гансу фон Графстейну: – Я представлю фрейлин принцессе Анне, сэра.

– Оставьте леди Ниссу напоследок, сударыня, – посоветовал паж. – Ее высочество будет в восторге от того, что леди

Уиндхем немного владеет нашим языком. Она наверняка захочет расспросить ее об Англии.

– Хорошо, сэр, – согласилась леди Браун и начала церемонию представления.

К ее полному удовольствию, девушки, несмотря на шок, не потеряли хороших манер. Леди Браун начала с Кэтрин Кэри, поскольку та приходилась королю племянницей. Следующей была Кэтрин Говард, сама по себе не представлявшая ничего особенного, но дядя которой, герцог Норфолк, продолжал оставаться весьма важной персоной. Затем настал черед Элизабет Фицджеральд и сестер Бассет.

Наконец пришла пора и Ниссе сделать реверанс перед принцессой Клевской.

– Я рада приветствовать вас в Англии, ваше высочество, – медленно и старательно произнесла она по-немецки.

Широкая улыбка осветила лицо принцессы, и она разразилась целой речью на родном языке. Нисса с трудом уловила два-три знакомых слова, но общего смысла не могла понять.

Восхищенный успехом своей ученицы, Ганс фон Графштейн поспешил к ней на помощь:

– Она еще не понимает вас, ваше высочество. Она только начала брать у меня уроки. Она подумала, что если никто не сможет вас понять, вам будет очень тяжело в чужой стране. Может быть, если вы будете говорить медленно и четко, леди Нисса сможет уловить смысл ваших слов.

Принцесса Клевская понимающе кивнула мальчику и за-

говорила, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Вы очень добры, моя дорогая, если подумали о том, как я буду себя чувствовать. Сейчас вы меня понимаете?

– Да, мадам, – ответила Нисса, делая очередной реверанс.

Принцесса вновь повернулась к пажу:

– Кто она, Ганс? Я имею в виду, из какой семьи?

– Леди Уиндхем – дочь графа Лэнгфорда. Это не очень знатное семейство, но много лет назад ее мать была подругой короля. Как мне рассказывали, это женщина добрая, достойная и скромная. За это ее прозвали «Тихая подруга короля».

– Ах! – выдохнула принцесса Клевская. – Так, может быть, эта девушка – его дочь, Ганс?

– Нет, мадам, это невозможно. Нисса родилась до того, как ее мать попала во дворец. Она рождена в законном браке.

– Объясни мне, Ганс, – попросила принцесса, – отчего все эти дамы так странно смотрят на меня? У этой леди Браун чуть не отвалилась челюсть, когда она меня увидела. Что это значит? Допустим, я одета не так, как принято в Англии, но здесь кроется еще что-то, я уверена.

– Это все тот художник, Гольбейн, ваше высочество. Он польстил вам, когда писал ваш портрет, – честно признался Ганс. – Он смягчил ваши черты и сделал более хрупкой. Король просто без ума от этого портрета, смею вас заверить, моя добрая госпожа.

– Как бы то ни было, – ответила Анна Клевская, – ему придется принимать меня такой, какая я есть. В конце кон-

цов, и он уже далеко не юноша, правда, Ганс? – хмыкнула она. – Ему еще повезло, что вообще нашел себе невесту королевского рода. У него, как у мужа, не очень-то хорошая репутация. Однако я постараюсь быть как можно более кроткой и смиренной, потому что еще никогда в жизни не была так счастлива – ведь я вырвалась из дому. С тех пор как умер наш отец, мой брат, герцог, стал невыносимым.

Нисса слушала, широко раскрыв глаза. Она не понимала большую часть беседы, поскольку принцесса и паж говорили слишком быстро, однако то и дело словечко или обрывок фразы доходили до ее сознания. Принцесса, как поняла Нисса, обладала чувством юмора и была отнюдь не глупа.

– Я хочу помочь вам изучить английский, ваше высочество, – храбро предложила Нисса.

– Отлично! – улыбнулась принцесса. – Ганс, скажи леди Браун, что мне понравились все фрейлины, но стремление леди Уиндхем овладеть нашим языком особенно тронуло.

Мальчик повторил слова своей госпожи по-английски и с трудом удержался от смеха, когда увидел, какое облегчение разлилось по лицу леди Браун.

– Ее высочество очень добры, – сказала пожилая дама, приседая.

«Добра, да, – подумала она, – но это вовсе не та хорошенькая молодая женщина, которая могла бы угодить королю. Помоги, Боже, всем нам. Что он сделает, когда увидит ее?»

Еще раз низко поклонившись, леди Браун вывела своих подопечных из зала. Они семенили за ней, как цыплята за наседкой.

– Клянусь кровью Господней, она просто ужасна! – заявила Анна Бассет, когда они благополучно добрались до отведенной им спальни. – Огромная, бесформенная, неуклюжая!

– Стоит королю один раз увидеть ее, как он тут же отошлет ее назад, – согласилась с сестрой Кэтрин Бассет. – Похожее на аиста пугало, ничего общего с нашей милой королевой Джейн!

– Королева Джейн уже два года лежит в земле, – рассудительно заметила Кэт Говард. – Она выполнила важнейшее предназначение в этом мире – произвела на свет нашего дорогого принца Эдуарда. Мой дядя, герцог Томас, говорит, что, по всей вероятности, останься она жива, королю скоро сделалось бы с ней скучно, а ее родственники Сеймуры уже тогда стали невыносимыми. Так что королю нужна новая жена и новые сыновья.

– Да, – кивнула Кэтрин Кэри, – но эта принцесса, по-моему, совершенно ему не подходит. Бедная женщина! Напрасно проделала такой путь!

– Король, между прочим, уже не юноша и не должен надеяться получить юную красавицу, – в присущей ей мягкой манере заметила Элизабет Фицджеральд. – Леди Анна и в самом деле нисколько не похожа на этот портрет, но мне она показалась умной и хорошей. У нее такие добрые глаза...

– Чтобы покорить сердце Генриха Тюдора, одних добрых глаз недостаточно! – отрезала леди Браун. – А что думаете вы, леди Уиндхем? Вы ведь говорили с ней. Что она вам сказала?

– Я только поздравила ее с прибытием в Англию, а она поблагодарила меня, – ответила Нисса. – Я предложила помочь ей с английским, и она с радостью и желанием согласилась. Мне она понравилась, надеюсь, понравится и королю.

Очень скоро выяснилось, что король, не в силах сдерживать нетерпение, верхом прискакал из Хэмптон-Корта, чтобы, как сказал он Кромвелю, «взлелеять любовь» между ним и женщиной, на которой он собирается жениться. Совершенно неожиданно, без доклада, он появился в парадной спальне дворца, закутанный в широченный теплый плащ с капюшоном, делавшим его совершенно неузнаваемым. В руках король держал дюжину собольих шкур – подарок невесте. Но она при виде пугающе огромной фигуры незнакомца вскрикнула от ужаса и, схватив подушку, начала бить ею незваного гостя по голове. Король отскочил к двери; такой прием никак нельзя было назвать хорошим началом.

Ганс фон Графштейн поспешно склонился перед королем и извиняющимся тоном пояснил:

– Она не знает, что это вы, ваше величество. Позвольте, я объясню.

Генрих нетерпеливо потрянул головой:

– Да уж будь добр, парень! Я долго и терпеливо ждал ее

приезда и теперь наконец хочу познакомиться. – Он подался вперед, стараясь разглядеть черты своей нареченной.

Юный паж метнулся к принцессе:

– Ваше высочество, не надо бояться. Это король, он хотел сделать вам сюрприз.

– Этот дикий боров и есть король? – промолвила принцесса, роняя злополучную подушку. Вглядевшись в Генриха Тюдора, она вздохнула: – Господи, Ганс, и вот за это чудище я должна выйти замуж?

– Вы должны поприветствовать его, госпожа, – нервно напомнил мальчик.

– Ну, должна, так должна, – ответила она, делая глубокий реверанс и низко склоняя голову.

Как она застенчива и скромна, подумал король, и к нему начало возвращаться хорошее настроение. Испугалась неизвестного пришельца, но как храбро повела себя, а теперь так очаровательно вежлива. Какая деликатность манер, какая... какая... Но, черт возьми, какая огромная женщина! Это совсем не та женщина, что на портрете! Генрих Тюдор был так ошеломлен, что едва смог выдать:

– Добро пожаловать в Англию, мадам...

Ганс фон Графштейн перевел слова короля.

– Поблагодари его от моего имени, Ганс, – сказала Анна Клевская, в свою очередь расстроенная тем, что при ближайшем рассмотрении ее жених оказался тучен, как хорошо раскормленный кабан.

Король распахнул плащ, и Анна увидела, как роскошно он одет. Ничего подобного она и представить не могла. Ее собственная одежда, несмотря на все старания, не шла ни в какое сравнение с его костюмом. Конечно, Анна казалась старомодной даже по сравнению со своими собственными фрейлинами. Придется исправлять положение, но, когда она станет королевой Англии, у нее не должно быть с этим проблем.

– Ганс, спроси принцессу, было ли путешествие приятным, – угрюмо проговорил король, продолжая разглядывать Анну. Чересчур высокая, и нос какой-то бесформенный, как башмак.

Паж перевел вопрос короля.

– Скажи ему, что мое прибытие в Кале было обставлено очень торжественно и пышно, – велела принцесса. – Я вижу, что англичане тепло встречают меня. Это очень приятно.

«Я совсем не нравлюсь ему, – думала она, не переставая улыбаться королю. – Я должна быть с ним очень осторожна, иначе не сносить мне головы. Может быть, я и могла бы покорить его, но только хочу ли я сама этого?»

– Я очень тронут, узнав, с каким нетерпением принцесса стремилась поскорее добраться сюда, – сказал король.

«Еще бы ей не стремиться поскорее связать меня брачными узами. Они лгали мне! Все они лгали мне! Кромвель. Это он настаивал на этом браке! Он и заплатит за это! И если есть для меня способ избежать женитьбы на этом кош-

марном создании, клянусь кровью Господней, я им воспользуюсь. Я не позволю обвести себя вокруг пальца. Конечно, Гольбейна винить нельзя. Он – художник, он видит по-своему, будь он неладен!»

– Спроси короля, Ганс, не желает ли он присесть. Я вижу, что ему хочется дать отдых ногам, но он не показывает вида. Он, надеюсь, оценит мое внимание. Пожилые люди обычно чувствительны к таким вещам. Просто скажи, что я почти за счастье угостить его стаканом вина, и, если он согласится, подай нам что-нибудь. Он проделал долгий путь, устал и замерз, и, как мы оба видим, не очень-то восхищен моей персоной.

– Мужайтесь, мадам, – ответил мальчик и, повернувшись к королю, перешел на английский: – Принцесса спрашивает, не выпьете ли вы с ней вина, ваше величество. Она беспокоится, как бы вы не простудились после такого тяжелого пути. Она очень внимательная и заботливая.

– Да, да, – рассеянно согласился Генрих Тюдор. – Вино – это то, что требуется, паренек. Поблагодари принцессу за заботу.

Что ж, по крайней мере у нее доброе сердце. Это уже кое-что, но этого мало, будь оно все проклято!

Принцесса усадила короля в удобное кресло у камина, а сама устроилась напротив. Король отметил про себя, что ее наряд никуда не годится. И голос тоже ему не нравится. Ох, все они заплатят за это, и Кромвель – в первую очередь. Ра-

зумеется, он солгал, когда уверял, что Мария де Гиз и Христина Датская отклонили его предложение. Какая женщина в здравом уме откажется стать королевой Англии? Очевидно, Кромвель имел некую тайную выгоду, настаивая именно на этой кандидатуре, но его планам не суждено сбыться! «Я не женюсь на этой женщине! Не женюсь!»

Ганс принес два серебряных кубка с вином. Он стоял между королем и принцессой, почтительно склонившись, и переводил вежливые реплики, которыми они обменивались. Неожиданно король резко поднялся и повернулся к мальчику:

– Скажи леди Анне, что мне пора идти. Я благодарю ее за гостеприимство. Скоро мы с ней увидимся.

«Но, надеюсь, не слишком скоро», – добавил он про себя, ожидая, пока паж переведет его слова.

– Он не в силах скрыть свое стремление поскорее убраться отсюда, – с отвращением произнесла Анна, но лицо ее при этом выражало только вежливое внимание. – Скажи ему, что мое сердце преисполнилось счастья от его теплых приветствий, и если ты хотя бы улыбнешься, Ганс, я тебя выпорю. Положение очень серьезное.

Ганс фон Графштейн степенно повторил королю слова принцессы.

– Гм! – пробормотал король и, отвесив своей невесте поклон, едва ли не бегом покинул комнату. Выскочив в коридор, он увидел ожидавшего его сэра Энтони Брауна и нако-

нец позволил прорваться своему темпераменту. – Меня обвели вокруг пальца, милорд! Ничего общего с тем, как мне ее расписывали! Это совсем другая женщина! Я не хочу ее! – Затем, осознав, что он до сих пор держит в руке злополучные шкуры, король швырнул их сэру Энтони: – Отдайте это ей!

– Вам не понравилась принцесса Клевская? – с дрожью в голосе спросил сэр Энтони.

– Разве я уже не сказал? – загремел король. – Я не хочу ее! Предание гласит, что когда-то прекрасный лебедь приплыл по Рейну, чтобы оплодотворить двух девственниц из рода Клевов. От них якобы пошла эта династия. Я ожидал серебряного Клевского лебеда... А получил здоровенную фламандскую кобылу! Я не хочу ее!

Нисса, проходившая в этот момент по коридору, услышала эти слова и, побледнев, шумно вздохнула. Мужчины тут же обернулись к ней, и она метнулась было прочь, но, опомнившись в последний момент, сделала реверанс. Когда король увидел, что это она, его лицо смягчилось, и он ласково протянул ей руку:

– Пусть мой гнев не пугает тебя, дитя мое. Ах, Нисса, радуйся, что ты дочь графа, а не короля! Короли не могут жениться по своей воле. Они должны жениться так, чтобы угодить народу. – Король драматически вздохнул.

– О, милорд, поверьте, принцесса Клевская – добрая и хорошая, – серьезно сказала Нисса. – Скоро я научу ее нашему языку.

– Энтони, Энтони! Взгляните, разве она не ангел? Ее сердечко такое же доброе и отзывчивое, как у ее матери, моей милой деревенской девочки. – Король ласково потрепал Ниссу по руке, а затем, к ужасу девушки, привлек ее к своей массивной груди, сминая ей прическу. – Милая маленькая Нисса! Пусть минует тебя эта чаша – иди к алтарю против своей воли! Тебя ждет другая судьба, дитя мое. Ты должна выйти замуж по любви. Я, твой король, позабочусь об этом! – Мягким движением отстранив ее от себя, он повернулся и, тяжело ступая, медленно пошел прочь.

– Вы не забудете держать рот на замке, моя милая? – зловеще поинтересовался сэр Энтони. – Это ведь больше, чем обычный разочарованный жених.

– Я всеми силами стремлюсь избегать политики, милорд, – серьезно ответила Нисса. – Хотя я молода и неопытна, но понимаю, что вопрос женитьбы короля – дело непростое. К тому же я желаю добра принцессе Анне. Она мне симпатична.

– Ага, – задумчиво произнес умудренный опытом придворный, – так вы далеко не деревенская простушка, как считает король.

– Как и моя мать, сэр, – храбро ответила Нисса. – Она сумела выжить при дворе, и я постараюсь сделать то же самое.

Сделав реверанс, она поспешно вошла в парадную спальню дворца, где принцесса все еще сидела у камина.

– Она знает, что не понравилась королю! – выпалил Ганс

фон Графштейн, едва Нисса появилась на пороге.

– Тише! – предупредила она. – Там снаружи сэр Энтони Браун.

– Что теперь будет? – спросил мальчик. – Он велит ее казнить?

– За что же? – запротестовала Нисса. – За то, что она не похожа на портрет, нарисованный Гольбейном? Это же не ее вина. Она просто стала заложницей политических игр Европы.

– Так что же ее ждет? – повторил Ганс, понизив голос.

– Он – король, поэтому трудно сказать. Обыкновенный человек, наверное, попробовал бы расторгнуть помолвку. Может быть, и король поступит так же. Он захочет, чтобы Кромвель и его советники придумали ему достойный путь к отступлению, но он очень не любит оказываться в затруднительном положении. Генрих Тюдор не из тех, кто легко признает свою вину, ты понимаешь? Моя матушка особо предупреждала меня, чтобы я как-нибудь случайно не задела его гордости. А что можно использовать против принцессы, Ганс?

– Когда она была еще совсем ребенком, поговаривали о ее помолвке с герцогом Лоррейном, но это ничем не кончилось. Она совершенно свободна от каких-либо обязательств до этой помолвки.

– О чем это вы говорите? – окликнула Ганса принцесса.

– Леди Нисса на нашей стороне, принцесса, – быстро от-

ветил он. – Она бы рада нам помочь, но что она может сделать?

– Скажи принцессе, что она должна вести себя со спокойным достоинством, – перебила мальчика Нисса, – так, как будто все идет как надо и у нее нет ни малейших подозрений, что король разочарован. Она должна всячески стараться ему угодить – и на людях, и наедине. Король никогда не скрывает своих чувств, и стоит придворным узнать о его неудовольствии, принцесса тут же превратится в дичь, на которую объявлена охота. Она должна вести себя так, будто совершенно не понимает, что происходит. Это для нее единственный возможный путь.

Паж перевел речь Ниссы принцессе, и та слегка оживилась:

– Да! Да! Она права, мой милый. Пусть она не бывала при дворе, но, определенно, эта девочка умна. Как вы думаете, сдержит ли король слово и женится на мне?

Ганс задал этот вопрос Ниссе. Она ответила:

– Пока Совет не сможет выдвинуть достойную внимания причину, чтобы расторгнуть соглашение, у короля нет другого выхода, кроме женитьбы. Не думаю, что они смогут найти другую причину, поэтому я и советую принцессе во всем угождать королю. Она должна немедленно начать брать уроки музыки и танцев. Госпожа Говард – очень способная музыкантша. Можно попросить, чтобы она поучила принцессу играть на лютне. А мы будем учить ее танцам. Король очень

любит танцевать.

Ганс перевел советы Ниссы своей госпоже.

– Этот обрубок сала еще и танцует? – изумилась Анна Клевская. – Трудно представить. Должно быть, пол при этом трясется на всех этажах! – хмыкнула она.

– Он хороший танцор и двигается легко и изящно, несмотря на свои габариты, – сказала Нисса, когда Ганс перевел ей замечание принцессы.

– Да? Значит, и мне надо научиться быть легкой и грациозной. Я постараюсь стать образцовой парой королю Генриху.

Нисса не удержалась от смеха, когда Ганс перевел эти слова, но тут же вновь обрела серьезность:

– Принцессе надо во всем уступать королю и соглашаться с ним, но не так, чтобы казаться глупой и бесхарактерной. Он не боится умных женщин. Наоборот, ему нравится ощущать свое превосходство над ними.

Анна Клевская рассмеялась в ответ:

– Да! Это относится ко всем мужчинам. Мой брат в этом смысле тоже похож на короля Генриха. Странно только, как это никому еще в голову не пришло, что Господь, создав первым мужчину, вдруг осознал свою ошибку и, исправляя ее, создал женщину? Не правда ли, друзья мои, здесь есть о чем поразмыслить?

Второго января принцесса со свитой продолжила свой

путь, и в этот же день королевский двор выехал из Гринвича.

«Я не хочу ее!» – эта фраза быстро облетела дворец и стала крылатой. Ни для кого уже не было секретом, что король разочаровался в принцессе Клевской. Однако против ожидания живописец Гольбейн сумел избежать королевского гнева. Возможно, причиной тому стал удачный новогодний подарок художника – портрет двухлетнего наследника престола, в котором автор всячески подчеркивал и даже выпячивал сходство мальчика с отцом.

Зато, к удовольствию большинства, гнев короля со всей силой обрушился на премьер-министра Томаса Кромвеля. Во время заседания Совета в Уайтхолле король орал на него:

– Ты, хитрый дьявол, ты обманул меня, и я желаю знать зачем?! Я должен был жениться на датчанке или француженке, но нет! Тебя устраивала только принцесса Клевская. Почему?! У нее желтая кожа и грубое лицо. Она долговязая и ширококостная. Настоящая фламандская кобыла! Кобыла, которую не захочет ни один жеребец!

Присутствующие захихикали, а Томас Кромвель смертельно побледнел. Однако он еще не был повержен. Повернувшись к первому лорду Адмиралтейства, премьер-министр разгневанно спросил:

– Вы видели ее, милорд, почему же вы не предупредили короля? Я мог опираться только на письменные доклады, а вы были первым англичанином, увидевшим ее воочию, и не сочли нужным сообщить нам о ее несоответствии портрету!

– Это уж, милорд, не моего ума дело! – негодуяюще возразил адмирал. – Брак казался уже решенным. Я смотрел на эту женщину как на нашу будущую королеву. И не пристало мне оценивать и критиковать ее. Может быть, она и не так хороша, как женщина на портрете Гольбейна, но у нее приятные манеры и доброе сердце. Какое я имел право искать в ней какие-то изъяны?

– Он прав, Кром! Это ты не выяснил всего об этой женщине, а теперь я вынужден вести ее к алтарю и спать с ней. А я не хочу ее! Не хочу!

– Но этот брак очень выгоден для вас, ваше величество. – Кромвель попытался зайти с другой стороны. – Тем самым вы очень мудро уравниваете союз между Францией и Священной Римской империей.

– Может быть, еще не поздно все исправить? – мягко спросил герцог Норфолк.

– Поздно! – отрезал Кромвель. – Для расторжения помолвки нет абсолютно никаких причин. Не было никаких других помолвок. Она не лютеранка, но исповедует религию, в которой, как и в нашей, церковь подчиняется государству.

– Со мной нечестно обошлись, – пробурчал король. – Она совершенно не такая, какой мне ее описывали. А знай я это заранее, милорды, нога ее никогда не ступила бы на английскую землю. А теперь я должен совать голову в эту петлю, которую ты мне приготовил! Черт возьми, меня ввели в заблуждение, я обманут! – Он обвел сидящих за столом вель-

мож тяжелым взглядом, но самый яростный подарил Кромвелью. Враги лорд-канцлера могли торжествовать: теперь его дни сочтены. Наконец-то сын мясника совершил ошибку.

Кромвель встал и громко спросил:

– На какой день угодно вашему величеству назначить коронацию принцессы? Остается праздник Сретения, как и было условлено?

Глаза короля сверкнули.

– Мы поговорим об этом, когда она уже станет королевой, – со зловещей усмешкой отозвался он.

Кромвель дрогнул, но продолжал настаивать:

– Нам пора выезжать, ваше величество, чтобы встречать принцессу в Лондоне.

Ни слова не говоря, Генрих Тюдор встал и вышел из зала заседаний.

– У тебя осталось мало времени, Кром, – дерзко бросил герцог Норфолк.

– Я более преданный слуга его величества, нежели вы, герцог, – парировал Кромвель. – Меня еще не выгнали.

Вместе с большой группой вельмож король отбыл в Гринвич. Они должны были встречать Анну Клевскую возле Блэкхита, чтобы король сопровождал свою нареченную при въезде в Лондон. Генрих Тюдор и его свита спустились вниз по Темзе на барже. Окружавшие баржу лодки были расцвечены шелковыми вымпелами. На отдельной барже плыли лорд-мэр и старшины города Лондона.

После Дартфорда в свите принцессы Анны остались только сто человек из тех, кто прибыл вместе с ней в Англию. Две ее фрейлины немного говорили по-английски: Хельга фон Графштейн, старшая сестра Ганса, и их кузина Мария фон Гессельдорф. Хельге исполнилось тринадцать лет, Марии – двенадцать. Гордячки сестры Бассет не замечали их, но остальные английские фрейлины приняли немок дружелюбно. Обе девушки легко овладели игрой на лютне, чем привели в восторг Кэт Говард. Бедняжка была весьма обескуражена безуспешными попытками научить тому же свою новую госпожу.

– У нее совсем нет слуха, – говорила Кэт, потряхивая каштановыми локонами. – Если бы король слышал наши уроки, то еще больше разочаровался бы в ней.

– Но она делает большие успехи в танцах, – с улыбкой возражала Нисса. – Она становится грациозной. И ее английский продвигается не по дням, а по часам. Мне кажется, король останется доволен.

– Она так старается, – заметила Кейт Кэри. – Может быть, в конце концов он забудет ту женщину на портрете.

– Господи! – рассердилась Кэт Говард. – Неужели ты такая дуручка, Кейт, ведь главное для мужчины – внешность женщины. Для большинства из них все остальное вообще не имеет значения.

– Надеюсь, далеко не все мужчины такие, – сказала Нисса.

– Тебе-то что беспокоиться об этом, – ответила Кэт. – Ты

самая красивая из всех нас. Ты похожа на свою мать?

– У меня такие же глаза, как у нее, – кротко ответила Нисса.

– Говорят, король в свое время сходил по ней с ума, – продолжала Кэт.

– Ты знаешь больше меня, – спокойно заметила Нисса. – Я тогда была младенцем.

Для официальной церемонии въезда Анны Клевской в Лондон ее фрейлины приготовили свои лучшие наряды. Нисса остановила выбор на бархатном платье цвета бургундского вина и нижней юбке из золотой парчи. Рукава и подол были оторочены мехом куницы. Плащ, специально подобранный под цвет платья, тоже украшал мех. Нисса не стала прятать свои прекрасные каштановые волосы под капюшоном, а надела расшитый золотом чепчик. Затянутыми в перчатки ручками Нисса с легкостью управляла своей серой кобылой. Остальные девушки, памятуя о том, как королева Джейн однажды отослала Анну Бассет домой за то, что на ней было мало драгоценностей, разделись не менее пышно. Фрейлина королевы должна служить отражением особого положения своей госпожи и не имеет права выглядеть скромно.

Для принцессы Клевской у подножия Шутер-Хилл специально выстроили роскошный, отделанный золотом павильон, который окружали другие, поменьше и поскромнее. Ровно в полдень принцесса появилась у подножия холма. Ее

приветствовали лорд Чемберлен, ее личный лорд-канцлер, лорд – раздатчик милостыни и другие лорды и леди ее свиты. Доктор Кайе обратился к присутствующим по-латыни, после чего официально представил Анну ее двору. Посол герцога Клевского от имени принцессы выступил с небольшой ответной речью.

Затем началось официальное представление придворных дам. Каждая выходила вперед, склонялась в реверансе. Фрейлины представлялись последними, и Анна встретила каждую из них теплой улыбкой. Она уже успела оценить их стремление помочь ей привыкнуть и освоиться в новой жизни.

День выдался очень холодным, и принцесса почувствовала большое облегчение, когда наконец покинула свой разукрашенный экипаж и вместе с дамами прошла в павильон, где они могли немного отогреться у жаровен с горящими углями.

– Майне либе девочки, – заявила Анна, стаскивая перчатки и протягивая руки к жаровне, – сегодня есть большой холод.

– Лучше сказать – сегодня холодно, ваше высочество, – вежливо поправила Нисса.

– Хорошо, леди Нисса, – улыбаясь, согласилась Анна. – Сегодня холодно. Теперь правильно?

– Совершенно правильно, мадам, – улыбнулась в ответ Нисса.

– Принесите кресло для ее высочества, – громко распорядилась Кэт Говард. Тотчас же принесли кресло, и Анна Клевская, порывисто вздохнув, устроилась поближе к жаровне и окликнула:

– Ганс! Где же ты?

Паж поспешно подошел поближе и поклонился.

– Я здесь, мадам, – сказал он по-немецки.

– Держись все время около меня, Ганс. Нисса, милое дитя, очень старается, но все-таки еще недостаточно хорошо овладела языком. Ты мне понадобишься. Где сейчас король?

– Он едет сюда из Гринвича, мадам.

Юный виконт Уиндхем потихоньку проскользнул поближе к сестре.

– Ты уже накортке с ней, да? – спросил он. – Она и впрямь совсем не похожа на свой портрет. Говорят, король в ярости.

– И это очень глупо с его стороны, дорогой братец! – резко ответила Нисса. – У леди Анны есть и обаяние, и достоинство. Она станет хорошей королевой, если наш господин и повелитель вовремя опомнится и сообразит, что ему уже под пятьдесят и сам он вовсе не подарок. Он должен дать ей шанс и тогда быстро убедится, что она может быть хорошей спутницей и доброй матерью его детей.

– Ради Бога, сестрица, не вздумай делиться этими мыслями ни с кем другим, – прошептал виконт Уиндхем. – Если это еще и не государственная измена, то уже очень близко к

ней, хотя, – он слегка улыбнулся, – может быть, ты даже не лишишься за такие речи головы, но уж домой тебя отправят наверняка, и вся наша семья попадет в немилость. Тогда за кого ты выйдешь замуж, леди Нисса?

– Я не выйду замуж иначе, как по любви, Филипп, – ответила ему сестра.

– Слава Богу, я еще слишком молод, чтобы влюбляться, – сказал мальчик. – Мастер Калпепер, кузен госпожи Говард, без ума от нее. Когда король заказывал себе одежду для венчания, он предложил Калпеперу отрез бархата на камзол. Так тот выпросил второй такой же кусок для госпожи Говард. По-моему, на ней сейчас платье, сшитое из этого материала. Вот дурак, лучше бы он оставил оба куска себе, хватило бы на несколько костюмов. Любовь! Тьфу!

– А мне кажется, это очень романтично, – улыбнулась Нисса и услышала, как принцесса называет имя их младшего брата. Появился Джайлс и подал своей госпоже кубок с горячим вином. – Ей нравится Джайлс, – заметила Нисса Филиппу.

– Ага, – согласился тот, – маленькая тыквенная голова обещает стать настоящим пажом, но только, к счастью, без этой придворной спеси.

Брат и сестра с интересом наблюдали, как принцесса шутя щиплет розовые щеки Джайлса. Джайлс – единственный блондин в их семье, и со своими светло-голубыми глазами и мягкими светлыми кудрями он казался настоящим херуви-

мом. Нескрываемое расположение госпожи приводило мальчика в немалое смущение; он был достаточно умен, чтобы не проявлять никаких чувств, кроме должного почтения по отношению к ней. Однако вскоре он не выдержал и сморщился, пробормотав: «Мадам!»

Перевода не требовалось, и принцесса, рассмеявшись, отпустила мальчика, сказав Гансу:

– Это настоящий маленький ангелочек, перед ним невозможно устоять.

Освободившись от принцессы, Джайлс попал под обстрел фрейлин. Кэт Говард послала ему воздушный поцелуй, а Элизабет Фицджеральд, подмигнув, ущипнула. Спасло появление доктора Кайе, объявившего, что король приближается.

– Ее высочеству пора переодеться в платье, приготовленное для церемонии, – напомнила леди Браун. – Поторопитесь, фрейлины, пора вам быть порасторопнее! Принесите одежду и украшения принцессы.

Платье принцессы, сшитое по немецкой моде, из красной тафты со вставками из золотой парчи, выглядело довольно элегантно. Служанки протерли руки, грудь и спину Анны теплой розовой водой. Обслуживавшие ее дамы уже заметили, что тело принцессы Клевской издает более резкий, чем у большинства женщин, запах, и, зная привередливость короля на этот счет, решили, насколько это в их силах, помочь ей.

Когда платье надели, Нисса принесла драгоценности: оже-

релье из рубинов и алмазов и под пару им серьги. Густые белокурые волосы принцессы спрятали под чепчиком, поверх которого надели еще расшитую жемчугом бархатную шапочку.

– Король уже подъезжает, мадам, – предупредила Кейт Кэри.

Выйдя из павильона, принцесса сощурилась от ударившего ей в глаза яркого солнца. Ей подвели белоснежного скакуна под роскошным седлом белой кожи и расшитой золотом и камнями попоной. Всадники, составлявшие почетный эскорт, уже ожидали в седлах. На их парадной одежде красовался Черный Лев герцогов Клевских. Процессию возглавлял юный Ганс фон Графштейн со знаменем, на котором был вышит тот же лев.

Анна поскакала навстречу своему будущему супругу. Увидев ее, король приостановился, поджидая. Когда она подъехала, он галантным движением сдернул берет и поклонился, одарив ее сияющей улыбкой. На мгновение Анна Клевская увидела его таким, каким он был когда-то: самым интересным мужчиной христианского мира. Она искренне улыбалась ему, пока Ганс переводил ей приветственные слова короля. Кое-что, к ее удивлению, она поняла и сама.

– Вначале я поприветствую его величество по-английски, Ганс, а потом ты будешь переводить, – сказала она пажу.

– Хорошо, мадам, – отозвался мальчик.

– Я благодарить ваше величество за добрый прием, – на-

чала Анна. – Я стараться быть доброй женой вашего величества и хорошей матерью вашим детям.

Услышав эту неуклюжую, но вполне понятную речь, король удивленно приподнял брови.

– А я слышал, что принцесса Клевская не говорит ни на каком языке, кроме родного, – пробормотал он, ни к кому в особенности не обращаясь.

– Ее высочество трудится изо дня в день, терпеливо осваивая ваш язык, – объяснил Ганс. – Леди Нисса Уиндхем учит ее, а другие фрейлины помогают. Принцесса очень хочет угодить вашему величеству.

– В самом деле? – сухо проронил король, но, вспомнив о взирающей на них толпе, потянулся вперед и, к удовольствию зрителей, заключил свою невесту в объятия.

Возвращаясь рука об руку к павильону, они раскланивались и улыбались приветствовавшему их народу.

– Фламандская кобыла, – неслышно бормотал король себе под нос, благосклонно кивая направо и налево. – Я должен жениться на фламандской кобыле.

Возле павильона королевская чета отпила из символической чаши любви, и затем принцесса пересела в карету, в которой должна была ехать в Гринвич. Рядом с ней устроилась матушка Лоув, ее старая няня и воспитательница, ныне назначенная присматривать за фрейлинами-немками, а также графиня Оберстейн, супруга посла. С обеих сторон дверцы кареты украшали гербы герцогов Клевских и изображения

Черного Льва. Вслед за каретой принцессы следовали экипажи, в которых разместились ее свита. В составе процессии можно было видеть и великолепный пустой портшез, обитый пурпурным бархатом, – один из подарков Генриха его новой королеве. В голове и в хвосте колонны следовали рыцари принцессы Клевской, одетые в одинаковые костюмы черного бархата, расшитые серебром, на одинаковых гнедых жеребцах.

Жители Лондона толпились по обочинам дороги, по которой двигалась процессия. В том месте, где намечалась переправа через Темзу, реку запрудили баржи, лодки и самые разнообразные суденышки, многие из которых, казалось, вообще чудом держатся на воде. Все они были переполнены людьми, жаждущими хотя бы мельком увидеть новую королеву. Каждая лондонская гильдия вывела на реку свою баржу, заново выкрашенную и отделанную, с гербами короля Англии и герцога Клевского. На этих баржах размещались менестрели и хоры мальчишек, распевавших приветственные гимны в честь принцессы Клевской. Король и его невеста даже сделали остановку, чтобы послушать их, и остались очень довольны.

Едва Анна вступила во внутренний двор Гринвичского замка, грянул пушечный салют. Король поцеловал невесту и поздравил с прибытием в ее новый дом. В Большом зале дворца выстроилась королевская гвардия, салютовавшая жениху и невесте, когда те проходили мимо. Генрих проводил

Анну в ее личные апартаменты, где она должна была отдохнуть перед назначенным на поздний вечер пиршеством.

Анна, внешне остававшаяся по-королевски невозмутимой, в глубине души изумлялась, растроганная искренним теплом, с которым ее встречали англичане.

– Это хороший, добрый народ, правда, Ганс? – повторяла она снова и снова. – Хотя это все равно – ведь король, несмотря на все внешние знаки внимания, меня терпеть не может.

– Почему вы так уверены, мадам? – удивился мальчик.

Анна горько улыбнулась:

– У меня нет опыта в любви, Ганс, но я знаю мужчин достаточно хорошо, чтобы понять: если они избегают смотреть тебе прямо в глаза, значит, что-то не в порядке. Гольбейн изобразил не меня, а совсем другую женщину. Король влюбился в этот портрет, но меня, увы, он не любит. Он женится на мне по политическим причинам, и не более того. Если бы он не хотел утереть нос королю Франции и императору, я не стала бы королевой Англии.

Генрих Тюдор был бы весьма удивлен, узнай, какие мысли бродят в голове его невесты. Сам он из-за предстоящей женитьбы пребывал в очень скверном расположении духа. Принцесса оказалась совсем не такой, как ему представлялось, а на себя он уже давно не мог смотреть непредвзято. Сердцем и душой он чувствовал себя таким же молодым, очаровательным, оживленным, как прежде. После банкета

король вновь вызвал к себе Кромвеля, но тот стойко делал хорошую мину при плохой игре.

– Она держится с царственным величием, сэр. Народу она нравится, – заверял он.

– Юристы не нашли никакой лазейки? – требовательно спросил король, проигнорировав слова Кромвеля.

Кромвель отрицательно покачал головой. Он начинал всерьез беспокоиться за свою жизнь и за сохранность всего, что он строил долгие годы, служа Англии. Он вспомнил своего предшественника и бывшего наставника, кардинала Вулси. Его стремление сотрудничать с принцессой Арагонской в конечном счете стоило ему жизни. Вулси всячески пытался задобрить короля, но даже этот бесценный дар – Хэмптон-Корт не смягчил королевского гнева. И теперь Кромвель вновь видел в глазах короля тот же беспощадный блеск, что и тогда, только теперь этот неумолимый взор был устремлен на него, Кромвеля. Впервые в жизни Кромвель не знал, что делать. Там, где дело касалось мщения, Генрих Тюдор отличался неистощимым терпением и коварством. «Лучше бы он казнил меня сразу, а не играл, как кошка с мышкой», – подумал Кромвель.

Король прошел в спальню и сердито велел всем приближенным немедленно убраться с глаз долой. Налив себе огромную чашу красного вина, он опустился в кресло и начал пить, все больше накаляясь от гнева и раздражения.

– Ты похож на льва, которому попала колючка в пасть,

Гэл, – спокойно отметил Уилл Саммерс, королевский шут, присаживаясь у ног своего повелителя. На руке Уилла сидела его старенькая, со сморщенным личиком, обезьянка Марго. Она была так стара, что совсем облысела, и ее шерсть, когда-то темная и блестящая, сделалась грязно-серой.

– Держи эту уродину подальше от меня, – проворчал король, покосившись на Марго.

– Что ты, Гэл, у нее осталось всего несколько зубов, – ответил Уилл, ласково поглаживая обезьянку.

– Даже когда у нее останется один, она все равно найдет случай укусить меня, – буркнул король и тяжело вздохнул. – Меня обманули, Уилл. Со мной обошлись нечестно.

Уилл Саммерс не считал нужным лицемерить со своим хозяином.

– Согласен, Гэл, она не похожа на тот портрет. Только отдаленное сходство, и все. Но она кажется симпатичной и держится по-королевски.

– Если бы был хоть какой-то способ избежать этого брака, Уилл, я бы сделал это, – признался король. – Эта чертова фламандская кобыла!

– Леди Анна действительно крупная женщина, Гэл, но, может быть, в этом и будет для тебя прелесть новизны? Она ширококостная, но не толстая, а вполне стройная. Да и пора вспомнить, что ты уже не в расцвете молодости, Гэл. Тебе еще повезло, Гэл, заполучить в жены такую приятную даму, к тому же принцессу.

– Если бы эта игра не зашла так далеко, я бы просто отослал ее домой, – угрюмо произнес Генрих Тюдор.

– Это совсем не похоже на тебя, Гэл, – упрекнул его шут. – Ты всегда был настоящим рыцарем. Я всегда гордился тем, что служу тебе, но я перестану любить тебя, если ты обидишь эту несчастную принцессу, которая, между прочим, не сделала тебе никакого зла. Она сейчас вдали от родины, от семьи, представь, как ей одиноко. Если ты отошлешь ее назад, что с ней будет? Разве кто-нибудь возьмет ее в жены? Это позор на весь мир, да к тому же ее брат, герцог, вынужден будет объявить тебе войну. Франция же и Священная Римская империя станут торжествовать и злорадствовать.

– Уилл, Уилл... – жалобно протянул король. – Ты единственный, кто говорит мне правду. Это тебя следовало бы послать к герцогу Клевскому, несмотря на то что я не могу обходиться без твоего общества. – Еще раз горестно вздохнув, он допил вино и, поставив кубок, тяжело поднялся. – Помоги мне лечь в постель, шут, и останься со мной. Мы поговорим о былом, о счастливых временах. Ты помнишь Блейз Уиндхем, Уилл? Мою деревенскую девочку?

– Конечно, Гэл, хорошо помню. Добрая и красивая женщина.

Уилл Саммерс подставил королю плечо, чтобы тот смог о него опереться, отвел его к кровати и помог улечься. Шут вместе с обезьянкой устроились в ногах королевской постели.

– Ее дочь теперь при дворе, Уилл, – продолжал король. – Милая девочка, но не во всем похожа на мать. Леди Нисса Уиндхем – настоящая английская дикая роза. Она одна из фрейлин принцессы Клевской. Я дал ей это место по просьбе матери.

– Которая это? – поинтересовался шут. – Я знаю малютку Кэри, Бесси Фицджеральд и сестриц Бассет. Есть еще две, которых я не знаю: госпожа Каштановые Кудри и темноволосая красавица.

– Темноволосая – это и есть Нисса. Глаза у нее точно как у матери. Вторая – Кэтрин Говард, племянница Норфолка. – Он хмыкнул: – Госпожа Каштановые Кудри! В самую точку, Уилл. У госпожи Говард и впрямь чудесные волосы. Она очень хорошенькая, правда? Господи! Да любая из этих фрейлин устроила бы меня куда больше, чем эта фламандская кобыла! И зачем я только послушался Крома? Мне надо было как следует поискать у себя дома и взять себе английскую жену. Разве моя возлюбленная Джейн не была прекраснейшей из роз Англии?

– Ох, Гэл, неужели ты потерял вкус к разнообразию? – поддразнил шут. – Мне кажется, немки у тебя еще не было. По крайней мере на моей памяти. Была у тебя немка до того, как я поступил к тебе, Гэл? Правда ли то, что говорят о немецких женщинах?

– А что о них говорят? – с подозрением спросил король.

– Не знаю! – фыркнул шут. – У меня никогда не было нем-

ки.

– И у меня не будет, – сказал король. – Не представляю, как я заставлю себя спать с ней. Кровь Господня, я мог бы жениться на Марии де Гиз или Христине Датской, а не на этой лошади!

– Какая у тебя короткая память, Гэл! – напомнил шут без всякого снисхождения. – Мария де Гиз так испугалась твоего предложения, что поспешно вышла замуж за Якова Шотландского. Наверное, ей больше нравится шотландский климат. Что до красавицы Христины, то она прямо сказала твоему послу, что будь у нее две головы, одна была бы в твоём распоряжении, но поскольку голова у нее все-таки одна, то она не хочет ею рисковать и предпочитает еще год-другой оплакивать своего покойного супруга. Ты уже не такая завидная добыча, Гэл, как когда-то. Женщины наслышаны о том, как ты обращался с предыдущими женами, и боятся тебя. Будь счастлив, что сумел заполучить принцессу Клевскую, хотя я отнюдь не утверждаю, что она счастлива, заполучив тебя.

– По острию ходишь, шут! – прохрипел король.

– Я говорю тебе правду, Генрих Тюдор, в отличие от тех, кто только льстит тебе, потому что боится.

– А ты не боишься?

– Не боюсь, Гэл. Я видел тебя в чем мать родила. Ты такой же человек, как и я. Все это игра случая. Родись каждый из нас в семье другого, глядишь, Генрих был бы придворным

дураком, а Уилл – королем.

– Я и есть дурак, коли позволил другим выбирать для меня жену, – заявил Генрих Тюдор. – Но теперь этому горю уже не поможешь.

– Если не имеешь лучшего, извлеки пользу из того, что имеешь, – посоветовал шут. – Может быть, леди Анна еще приятно удивит тебя.

Он слез с кровати, и Марго тут же, проворно взобравшись ему на плечо, нахлобучила на голову Уилла берет.

– Спи, Гэл. Тебе надо выспаться, да и мне тоже. Мы оба уже немолоды, а ближайшие дни будут чертовски хлопотными и утомительными. Опять придется слишком много пить вина и есть чересчур жирную пищу. Ты не умеешь ничего делать наполовину, поэтому обязательно опять переешь и перепьешь всех, а потом будешь мучиться.

Король сонно улыбнулся.

– Наверное, ты прав, Уилл, – сказал он, закрывая глаза.

Дождавшись, когда король захрапел, шут тихонько выскользнул из спальни и сообщил придворным, ожидавшим за дверью, что его величество, ко всеобщему облегчению, спокойно спит.

Глава 4

Шестого января мороз стал еще сильнее. С перламутрового неба светило по-зимнему слабое солнце. С Темзы дул колючий морозный ветер. Короля разбудили в шесть часов утра, но он еще около получаса оставался в постели. Это был день его свадьбы, но он не находил в себе силы встать и начать этот длинный, полный забот день. Осознав наконец, что у него уже нет выбора, король кликнул камергера. В спальню, переговариваясь и улыбаясь, вошли придворные и внесли свадебный костюм короля. Генриху помогли выбраться из кровати, затем его побрили, он принял ванну, после чего начал облачаться в наряд, предназначенный для сегодняшнего спектакля. «Какая гадость! – думал он, и глаза его наполнялись слезами. – Я еще не настолько стар, мне хочется насладиться хорошенькой девушкой».

Свадебный наряд короля выглядел поистине великолепно. Парчовый камзол расшит серебряными цветами, отделан роскошными соболями. Плащ из багряно-алого шелка расшит не менее пышно, чем камзол, и украшен огромными круглыми пуговицами из отшлифованных алмазов. Шею туго охватывал золотой воротник. Сапоги короля сшиты по последней моде – с узкими закругленными носами – и тоже щедро усыпаны жемчугом и бриллиантами. Все пальцы короля унизаны перстнями.

– Ваше величество выглядит превосходно, – объявил молодой Томас Калпепер.

Остальные придворные одобрительно зашушукались и закивали, соглашаясь с этим мнением.

– Если бы эта свадьба не была нужна моей стране, – заявил король, – никакая сила на земле не заставила бы меня сделать это.

– Кромвель – конченный человек, – прошептал Томас Говард, герцог Норфолк.

– Не очень-то оболящайтесь, – вполголоса ответил ему Чарльз Брэндон, герцог Суффолк. – Старина Кром – хитрая лиса и еще может ускользнуть.

– Посмотрим, – пожал плечами герцог Норфолк, и на лице его заиграла улыбка – явление для него чрезвычайно редкое. Это была улыбка триумфатора.

– Что это вы задумали, Том? – спросил герцог Суффолк.

Чарльз Брэндон знал, что Томас Говард близок со Стивеном Гардинером, епископом Уинчестерским. Епископ поддерживал короля во всем, что касалось противоборства с папой римским и отрицания верховенства Ватикана над английской церковью, однако при этом он оставался ярым противником изменений в доктрине, проводимых архиепископом Томасом Кранмером, ставленником Кромвеля.

– Вы переоцениваете меня, Чарльз, – ответил Норфолк, все так же улыбаясь. – Я – самый преданный слуга короля и всегда им оставался.

– Скорее, я недооцениваю вас, Том, – парировал Суффолк. – Иногда вы меня пугаете. Ваше честолюбие беспредельно.

– Давайте поскорее покончим с этой комедией, – проворчал король. – Раз уж я должен жениться на ней, так тому и быть.

Король в сопровождении пэров прошел на половину принцессы Клевской, где его уже ожидала невеста. Она тоже долго не осмеливалась встать в это утро. Фрейлинам пришлось уговаривать ее принять ароматизированную ванну: Анну воспитывали в убеждении, что подобные излишества – признак тщеславия и гордыни. Однако ванна так ей понравилась, что она заявила своим дамам:

– Я будет делать это каждый день. Чем это пахнуть здесь вода, Нисса Уиндхем? Это приятно.

– Это розовое масло из Дамаска, ваше высочество, – ответила Нисса.

– Мне нравится! – подтвердила Анна, и ее фрейлины заулыбались.

Это отнюдь не означало, что они посмеиваются над принцессой, скорее, наоборот, они радовались, что смогли угодить ей. Отношение короля к невесте не было секретом ни для одной из них. Лишь незнание языка и английских нравов спасало Анну от глубокого унижения. Она могла любить Генриха Тюдора не больше, чем он ее, но она женщина, и у нее своя гордость.

Когда внесли подвенечный наряд, раздался хор восторженных восклицаний. Платье из золотой парчи сплошь расшили жемчугом. Скроено оно было по немецкой моде – без шлейфа. На ноги принцесса надела туфли из золотистой лайки без каблучков, чтобы казаться ниже. Ее белокурые волосы оставили распущенными – символ девственности, а на голову надели изящную золотую корону, усыпанную драгоценными камнями и увенчанную золотым трилистником в виде веточки розмарина – символа изобилия и плодородия. Матушка Лоув собственноручно надела на шею своей госпожи ожерелье из крупных алмазов, оправленных в золото, а затем обвязала тонкую талию Анны брачным поясом. Глаза пожилой женщины наполнились слезами, и когда несколько слезинок все-таки покатались по ее щекам, принцесса сама заботливо стерла их.

– Если бы твоя мама могла видеть тебя, дорогая моя, – всхлипнула матушка Лоув.

– Что это с ней? – резко спросила леди Браун у Ниссы.

– Она сожалеет, что матушка принцессы не может увидеть ее венчания с королем, – ответила Нисса, подумав при этом: и хорошо, что не видит. Мать сразу бы поняла, что король не рад браку с ее дочерью; но, может быть, все еще переменится.

Услышав, что король уже ждет, невеста вышла к нему. Вслед за королем и пэрами Анна Клевская в сопровождении графа Оберстайна и других немецких вельмож проследовала в королевскую часовню, где жениха и невесту уже ожидал

архиепископ. Лицо Анны, невзирая на охватившее ее волнение, оставалось безмятежно ясным. Он не хочет ее, она не хочет его, но тем не менее они должны пожениться из соображений целесообразности. Право же, их обоих можно пожалеть.

К венцу принцессу подвел граф Оберстайн. Она мало что поняла из того, что говорил этот архиепископ с добрым лицом, но когда Генрих Тюдор схватил ее за руку и надел на палец тяжелое кольцо червонного золота, Анна Клевская не сомневалась: это означает, что она наконец обвенчана с королем Англии. Пока Томас Кранмер завершал обряд, она старательно разбирала надпись, выгравированную на кольце: «Господи, помоги мне достойно выполнить свой долг».

Затем Анна почувствовала, что король, схватив ее за руку, куда-то ее тащит. Торопясь поспеть за ним, она споткнулась и чуть не упала. Почему он так ведет себя с ней в день их свадьбы, негодовала принцесса. Что бы там ни думал втайне каждый из них, теперь она его жена. Пробираясь через толпу, Анна заставила себя успокоиться.

Этот день до отказа заполнили церемонии и ритуалы. Согласно обычаю, после венчания король прошел к себе и переделся. На этот раз он надел камзол из тонкой ткани, отделанный полосками вышитого красного бархата. Как только король облачился, процессия во главе с молодоженами последовала в зал, где был приготовлен свадебный пир. В полдень королева ненадолго покинула празднество, чтобы пере-

одеться. Ее дамы также переменяли наряды, надев платья, украшенные множеством золотых цепочек, как это принято в Германии.

Сердце Кэт Говард преисполнилось благодарности к Ниссе. Бедняжка Кэт не обладала достаточными средствами, чтобы быть на уровне других фрейлин. Ее дядя, герцог Томас, получил для нее это место благодаря своему влиянию; но он оказался менее щедрым на золото, чем на протекцию. Гардероб Кэт состоял всего из нескольких платьев, и она выкручивалась, как могла, комбинируя и переделывая их, но все равно одевалась заметно хуже других девушек. Кэтрин, ее сестры и три брата остались сиротами. То немногое, что оставил им отец, перешло к старшему брату. По этой причине по мере приближения свадебных торжеств Кэт Говард все сильнее впадала в отчаяние при мысли о том, что ей необходимо по крайней мере еще одно платье.

– Позволь мне подарить его тебе, Кэт, – сказала ей как-то Нисса. – Мне дают денег больше, чем я могу потратить, даже если закажу себе новые платья. – Она недоумевающе пожала плечами. – Зачем же нужно золото, если ты не можешь поделиться им с друзьями?

– О, я не могу позволить тебе этого, – слабо отнекивалась Кэт, но Нисса видела, как девушка борется с собой.

– Почему же нет? – мягко настаивала Нисса. – Разве в придворном этикете есть правило, запрещающее делать подарки друзьям? Если даже и есть, мне придется пренебречь

им, потому что я приготовила подарки для всех вас!

Остальные девушки оживились и зашумели, а леди Браун сказала:

– Нисса Уиндхем очень щедра и добра, госпожа Говард. Вам повезло с подругой. Конечно, вы должны принять предложенный вам подарок. Поступить иначе – просто невежливо, и, я думаю, герцог Томас был бы недоволен, узнай он об этом.

– В таком случае, – заявила Кэт улыбаясь, – я с благодарностью принимаю твой подарок, Нисса Уиндхем.

Леди Браун одобрительно кивнула.

– Мне нечего подарить тебе, – призналась Кэт Ниссе, – но я не забываю сделанное мне добро, так же как не забываю обиды. Когда-нибудь я найду случай отплатить тебе добром за добро. Я бедна, как церковная мышь, но ты никогда не унижала меня из-за этого, не то что эти гордячки, сестрицы Бассет. Наверняка когда-нибудь мне представится случай сделать тебе что-нибудь хорошее, Нисса, и уж я постараюсь его не упустить, обещаю.

Когда королева и ее дамы вернулись в пиршественный зал в новых туалетах, их встретили аплодисментами. Дамы выслушали множество комплиментов по поводу своих нарядов. Затем начались пантомимы, маски, танцы. Даже не пытаясь казаться любезным, король вывел Анну на середину зала. Но, к удивлению Генриха, его молодая жена оказалась прекрасной партнершей. Она успела многому научиться у сво-

их фрейлин. Когда он подбрасывал ее в воздух, а она смеялась, глядя на него сверху вниз, король невольно замечал, что не так уж она уродлива, как ему показалось вначале. Может быть, они еще смогут прийти к согласию?

– Нисса?

Услышав свое имя, Нисса обернулась и увидела Кэт Говард с... с ним!

– Это мой кузен Вариан де Винтер, граф Марч, – представила Кэт. – У него нет пары. Я подумала, может быть, ты пожалеешь его. Я ведь знаю, как ты любишь танцевать.

Его глаза оказались зелеными. Темно-зелеными. Темно-зелеными, как пронизанная солнцем и покрытая легкой рябью вода в заводях реки Уай.

– Мадам. – Он отвесил вежливый поклон. Его лицо осталось серьезным, даже несколько мрачным.

– Сэр. – Нисса сделала реверанс. По спине ее пробежал холодок. Его голос был таким глубоким и мелодичным, какого-то необыкновенного тембра. При взгляде на его красивое строгое лицо Нисса почувствовала, как заколотилось ее сердце.

– О, ну потанцуй же с Варианом, Нисса, – еще раз попросила Кэт и убежала искать своего кавалера.

– Милорд, говорят, что вы не джентльмен. Леди Марлоу считает, что даже говорить с вами – значит погубить свою репутацию, – дерзко сказала Нисса, обретя обычное хладнокровие.

– И вы тоже так считаете? – сухо осведомился граф, но она заметила нотки изумления в его удивительном голосе. Однако лицо его оставалось серьезным.

– Я считаю, что леди Марлоу, хоть она и лучшая подруга моей тетушки, – сплетница, расцветающая от запаха скандала, – медленно ответила Нисса. – Хотя, видимо, в каждой сплетне есть доля истины. Однако, поскольку мы находимся в таком людном месте, во дворце, среди множества придворных, я, право, не понимаю, как вы можете повредить моей репутации. Поэтому, милорд, если вам и вправду угодно пригласить меня на танец, я согласна. Отказаться – значило бы оскорбить вас. – Нисса еще раз присела.

Он взял ее за руку, и Нисса ощутила тепло его ладони. Они присоединились к танцующим и, закончив быстрый танец, тут же начали следующий. Однако как только смолкла музыка, рядом с ними оказался ее дядя Оуэн Фицхаг.

– Нисса, дорогая, твоя тетя жаждет поговорить с тобой. – Он вежливо, но твердо взял ее за руку. – Вы извините меня, милорд?

Граф Марч поклонился, на его красивом лице заиграла саркастическая усмешка.

– Ну конечно, милорд, – сказал он, – раз вы настаиваете. – Он тут же отошел в сторону.

– Как вы могли! – набросилась Нисса на дядю, топая ногой от негодования. – Вы осрамили меня перед всем двором!

– Дорогая моя девочка, я не сомневаюсь в твоей самосто-

ательности и разумности, но твоя тетка, наслушавшись Аделы Марлоу, придерживается другого мнения. Так что прибеги свой пыл для Блосс и ее дражайшей подружки.

– Так я и сделаю! – бросила Нисса и, вырвавшись из рук дяди, поспешила к тому месту, где сидели две упомянутые дамы.

– Нисса! – начала Блосс, прежде чем Нисса успела открыть рот. – Разве тебя не предупреждали по поводу этого человека? Господи, если бы леди Марлоу вовремя не заметила, что ты с ним танцуешь, Бог знает, что могло бы случиться!

– Ничего не могло случиться! – возмутилась Нисса. – Чем это, интересно, он мог меня скомпрометировать здесь, в этом зале, полном людей? Зато вы осрамили меня как следует. Меня представила графу Марчу его кузина, госпожа Говард, одна из моих подруг-фрейлин. Могла ли я при этих обстоятельствах отклонить его приглашение на танец?

– Дорогое невинное дитя, – воскликнула Адела Марлоу, – ну откуда же тебе знать, к какому сорту людей принадлежит лорд де Винтер? Помни, тебя послали ко двору найти себе достойного мужа. Никакой порядочный джентльмен не захочет жениться на девушке, хоть как-то скомпрометировавшей себя. – Она попыталась изобразить добрую и ласковую улыбку, которая показалась Ниссе надменной гримасой.

– Мадам, – глаза Ниссы потемнели от гнева, – почему вы считаете возможным читать мне мораль? Вы обе старше ме-

ня только по годам, но не по рождению и положению. Будь я безмозглой душой, какой вы меня считаете, ваши нравоучения, возможно,годились бы. Однако я не дура, и мне обидно видеть, что даже моя тетьа, наслушавшись вас, забыла, что я – дочь своей матери. Я прекрасно знаю, как вести себя в обществе. Вы намекаете на какую-то отвратительную историю, но не раскрываете, в чем ее суть. Что до меня, то я считаю графа Марча приятным джентльменом и превосходным танцором. Ну а моя репутация до сих пор оставалась безупречной. Если у вас еще есть что сказать по этому поводу – говорите. Если нет – буду весьма вам признательна, если впредь вы не будете давать волю своей дикой фантазии и перестанете вмешиваться в мою жизнь.

– Нужно ей рассказать! – с трагическим видом обратилась к Блисс леди Марлоу. – Иначе моя совесть не будет спокойна!

– Что вы должны мне рассказать? – с издевкой в голосе произнесла Нисса.

– Этот человек, которого ты так упорно защищаешь, ничего о нем не зная, – ответила леди Марлоу, – этот человек известен как совратитель. Он обесчестил юную девушку, а когда выяснилось, что она ждет ребенка, отказался нести за это ответственность. Бедная девочка покончила с собой. Ты и теперь будешь его защищать?

Ниссу потрясла эта история, хуже того, она чувствовала себя круглой душой. Но откуда же она могла знать об этой

жуткой истории! Тем не менее она все еще сердилась на Аделу Марлоу, которая теперь поглядывала на нее с победно-снисходительным видом. Ниссе захотелось стереть это выражение с ее лица.

– Вы, мадам, – самая злобная и отвратительная сплетница, какую я когда-либо видела, – грубо сказала Нисса, с удовольствием замечая, как опешила и дрогнула от такого напора ее противница.

– Нисса! – Даже известную своим темпераментом Блисс ошеломила вспышка племянницы. – Ты должна немедленно извиниться перед леди Марлоу!

– А я, наоборот, думаю, что леди Марлоу должна извиниться передо мной! – отрезала девушка. – И ты тоже, тетя Блисс.

Развернувшись на каблуках, она поспешно отошла от родни и отправилась на поиски подруг. Ее сердце бешено колотилось. Не то чтобы она влюбилась в лорда де Винтера – до этого дня она фактически ничего о нем не знала. Нет, Ниссу больно уязвило то, что ее тетка и леди Марлоу обошлись с ней, как с ребенком. А ведь ей уже семнадцать!

Аделе Марлоу потребовалось несколько минут, чтобы хоть немного прийти в себя.

– Никто и никогда не говорил со мной таким тоном, – прошептала она побелевшими губами. – Если бы эта девчонка была на моем попечении, я бы на ней живого места не оставила, а потом отослала бы восвояси, к родителям. Она совер-

шенно неуправляема! Попомни мои слова, Блосс, она плохо кончит!

– Нисса груба, согласна с тобой, Адела, но следует признать, что, подстрекаемая тобой, я слишком назойливо ее опекала. Я забыла, что она не из тех, кто в этом нуждается. Нисса умна и быстро освоилась при дворе. Она прекрасно понимает, что поставлено на карту, и не позволит испортить репутацию. К тому же она любит новую королеву и дорожит своим местом.

– Скорее, ее огромное приданое поможет ей, – криво усмехнулась Адела Марлоу.

Королю и королеве пора было укладываться на брачное ложе.

– Ночь длиной в пятнадцать часов! – недовольно бубнил Генрих. – В следующий раз, если мне придется жениться на уродине, я устрою свадьбу летом, когда ночи самые короткие.

– В следующий раз, когда он будет жениться!.. – много-значительно прошептал герцог Норфолк на ухо Кромвелю.

– Ночь только начинается, милорд, – ответил Кромвель. – Может быть, к утру король почувствует себя счастливейшим из смертных.

Он улыбнулся герцогу со спокойствием, которого отнюдь не ощущал, и герцог улыбнулся ему в ответ. В его улыб-

ке сквозило скрытое превосходство. Томас Кромвель почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Что задумал герцог?

Дамы помогли королеве избавиться от ее парадного облачения. Фрейлины сновали взад и вперед, принося и унося то одно, то другое. Анна – высокая, ширококостная женщина с худыми руками и ногами, с тонкой талией, позволяла готовить себя к брачной ночи. Ее груди, по форме напоминавшие груши, казались непропорционально маленькими для такой фигуры. Помогая надеть простую ночную рубашку из белого шелка, женщины исподтишка многозначительно переглянулись и сокрушенно покачали головами. Однако волосы королевы хороши – длинные, светлые и густые.

Матушка Лоув вполголоса заговорила со своей воспитанницей на родном языке:

– Что ты будешь делать с этим огромным медведем, твоим мужем, дитя мое? Как мы обе хорошо знаем благодаря Гансу, подслушавшему болтовню придворных дураков, король не любит тебя. Твоя матушка, как мне известно, не сочла нужным рассказать тебе о том, что происходит между мужем и женой, но я просветила тебя вместо нее. Будешь ли ты пытаться завоевать его благосклонность, дитя мое? Я боюсь за тебя.

– Не надо бояться, – заверила старушку Анна. – Я еще не знаю, как поступлю. Это зависит от короля, моего мужа. Может быть, если я дам ему возможность аннулировать наш

брак, он по-доброму отнесется ко мне. Уверена, будь у него хоть малейший предлог расторгнуть помолвку, сегодня не было бы свадьбы. Все говорят, король не из тех, кто поступает против своей воли. Мы поженились. У него нет повода для развода, но он жаждет от меня избавиться. Если я не представлю ему такой возможности, он может просто убить меня. А я, матушка Лоув, приехала в Англию отнюдь не для того, чтобы лишиться здесь головы, а для того, чтобы вырваться на свободу из дворца моего брата-герцога. – Улыбаясь, Анна сжала руки своей старой няни. – Молись, чтобы Бог помог мне принять правильное решение.

Послышался шум, дверь распахнулась, и в спальню вошли король с несколькими приближенными и архиепископ. Все женщины склонились в реверансе. Король, облаченный в бархатный халат, с ночным колпаком на голове, с видимой неохотой приблизился к кровати и молча взгромоздился на нее вслед за королевой. Архиепископ Кранмер помолился о том, чтобы брак был счастливым и плодовитым.

Едва он произнес последнее слово, король рывкнул:

– А теперь убирайтесь! Вы, все! Я хочу поскорее покончить с этим. Вон! Все вон!

Пряча усмешки и переглядываясь, придворные поспешно ретировались. Дверь за ними закрылась со зловещим скрипом.

Молодожены продолжали молча сидеть, не глядя друг на друга. Наконец Генрих повернулся к королеве и с трудом по-

давил вздох разочарования. Не то чтобы королева была по-настоящему уродлива, нет. Но ее черты в жизни оказались гораздо резче и крупнее, чем на портрете Гольбейна, и вся она была так непомерно велика, особенно если сравнивать ее с предыдущими женами: Екатериной, первой Анной и возлюбленной Джейн. Однако в ее голубых глазах светился ум, и сейчас они с опаской следили за ним. Лучше всего побыстрее пройти через это. Потянувшись, он сжал в руке прядь золотых волос. Волосы мягкие и пушистые, хоть что-то в этой женщине приятно ему.

– Я не нравлюсь вам, – вдруг произнесла Анна. Ее голос резко прозвучал в напряженной тишине.

Король хранил молчание, заинтересованный тем, что она скажет дальше.

– Вы не хотели жениться мне, но вы не имели... имел... Ох! Я не могу найти слово!

Несмотря на акцент и ошибки, король понял, что она хочет сказать.

– Повода? – вежливо подсказал он.

– Йа! Вы не иметь повода, чтобы... чтобы...

– Отвергнуть? – высказал предположение король.

– Йа! Отвергнуть меня! – торжествующе закончила Анна. – Но если я дать вам повод, вы позволит мне остаться здесь, в Англии, да, Хендрик?

Генрих изумился. Она не пробыла в Англии и двух недель и уже может объясниться на чужом языке. Это определенно

свидетельствует о ее уме. И она сумела быстро разобраться в ситуации и даже в его чувствах. Может быть, он совершил ошибку? Нет. Он никогда не сможет полюбить эту женщину. Никогда. Даже ради блага Англии.

– Какой повод? – требовательно спросил король. – Он должен быть простым и ясным, Энни. Говорят, что у меня, как у мужа, плохая репутация, но это неправда. Меня всегда неправильно понимали.

Он говорил очень медленно, чтобы она могла уловить смысл его слов. Ему показалось, что жена понимала лучше, чем говорила. Выслушав его, Анна громко рассмеялась, и Генриху бросилось в глаза, какие у нее крупные зубы.

– Я хорошо понимаю, Хендрик, – сообщила она. – Мы не занимаемся любовью, и вы иметь повод отвергать меня. Йа?

Какая простая и в то же время блестящая идея, подумал Генрих Тюдор и тут же сообразил, как это должно быть преподнесено: не она отказывает ему, а именно он не в силах заставить себя вступить с ней в брачные отношения. Так или иначе, мелькнуло у него в голове, он выйдет из этой комнаты опозоренным и осмеянным, но над ним будут меньше смеяться, если всю вину он свалит на ее непривлекательность. Она должна это понять.

– Нам нужен Ганс, чтобы как следует поговорить, – сказал он, – но уже не сегодня. Завтра. По секрету. Да?

– Йа! – закивала она и вдруг, спрыгнув с кровати, спросила: – Сыграем в карты, Хендрик?

Генрих расхохотался.

– Йа! – согласился он. – Мы поиграем в карты, Энни.

Она явно не та женщина, которую король хотел бы видеть своей женой или любовницей; но он все больше укреплялся в мысли, что она станет ему добрым другом.

На следующее утро король встал рано. Накануне они за- сиделись за картами за полночь, и его фламандская кобыла разгромила его в пух и прах. В другое время это неминуемо привело бы его в раздражение, но его новая королева слишком хороший товарищ, чтобы сердиться на нее. Пройдя специальным тайным ходом к себе в спальню, король холодно поздоровался со своими приближенными. Это было частью плана, оформившегося за ночь в его голове. Он должен продолжать выказывать всяческое разочарование в Анне Клевской. В противном случае ему просто не поверят.

Кромвель перехватил короля по пути к мессе.

– Что теперь думает ваше величество о новой королеве? – осторожно спросил он. – Надеюсь, вы провели приятную ночь?

– Очень далекую от приятной, Кром. Я оставил королеву такой же девственницей, какой она была до сих пор. Хоть убей, я не могу заставить себя довести это дело до конца.

– Должно быть, ваше величество устали вчера после всех этих церемоний и развлечений, – неуверенно предположил Кромвель. – Сегодня вы отдохнете и...

– Я вовсе не устал! – огрызнулся король. – Дай мне горя-

чую бабенку, и я хоть сейчас докажу тебе это! Но не с этой женщиной! Меня от нее воротит, Кром, понимаешь ты это или нет?

Кромвель понимал все слишком хорошо. Будучи не в силах избежать этого брака до его формального заключения, Генрих Тюдор вознамерился испробовать новый способ, чтобы избавиться от нежеланной супруги. А ведь это он, Кромвель, загнал короля в эту ситуацию, и теперь его собственная жизнь зависит от того, насколько умело он поможет Генриху из нее выпутаться.

Мир в душе Кромвеля окончательно разрушился, когда он увидел, что король лично рассказывает каждому хоть сколько-нибудь значительному вельможе о том, что он не в силах вступить в супружеские отношения с новой королевой. Слушая, как король беседует все на ту же тему со своим личным врачом, доктором Батсом, Кромвель почувствовал, что у него от страха закружилась голова. А напротив него стоял и улыбался герцог Норфолк.

Одиннадцатого января, к недоумению придворных, был проведен турнир в честь новой королевы. Генрих Тюдор не делал секрета из своего отношения к молодой жене. Анна же, наоборот, оставалась спокойной и полной достоинства. Ее английский совершенствовался с потрясающей быстротой, а в день турнира она появилась в новом платье, сшитом по последней лондонской моде, и в изящном французском плаще.

Она произвела хорошее впечатление на простой народ, да и многие придворные, невзирая на известные им чувства короля, прониклись к ней симпатией. Однако самые искушенные политики и интриганы при дворе были бы поражены, узнай они, какой план предложила их новая королева, чтобы вернуть своему мужу свободу.

На следующий после венчания день королева велела Гансу зайти к ней в спальню. В это же время через секретный ход туда прошел король. Тогда и было во всех деталях разработано соглашение между Генрихом и Анной. Ганса привлекли как переводчика и доверенное лицо, во избежание недопонимания между договаривающимися сторонами. Генрих и Анна не будут вступать в супружеские отношения. Король станет всячески подчеркивать свою неспособность исполнить супружеские обязанности по отношению к нелюбимой жене, а при появлении Анны – демонстрировать, насколько ему неприятно ее присутствие. Анна же, наоборот, должна вести себя так, будто, по ее разумению, их отношения в полном порядке. С континента начали доноситься слухи, что союз французского короля с императором просуществует недолго. Тогда вскоре Англия уже не будет нуждаться в дружбе герцога Клевского. Когда эти слухи станут достоверными фактами, можно ставить вопрос о разводе, точнее, об аннулировании брака.

После развода Анна Клевская получит два поместья по своему выбору. Для этого она объедет все королевские ре-

зиденции и выберет жилище себе по вкусу. Король назначит ей хорошее содержание, она будет именоваться его сестрой, и выше ее по положению станет только новая королева. Анна берется уверить своего брата в том, что такая перемена статуса ее полностью устраивает и что с ней обошлись по-доброму.

И Генрих Тюдор, и Анна Клевская вполне удовлетворились этим тайным соглашением. Теперь это был просто вопрос времени. Короля, однако, несколько заинтриговало поведение Анны. Почему она так поступила? Может быть, она не девственница и боится, что он это обнаружит? Король вздрогнул. А впрочем, не так уж его это интересует. Скорее всего, заключил он, она просто опасалась за свою судьбу в случае, если не сможет угодить ему. Генрих нахмурился. И все-таки он был прав тогда – и с принцессой Арагонской, и с этой сукой Анной Болейн. Абсолютно прав. Никто не может обмануть его, хотя, видит Бог, многие пытались.

Генрих Тюдор разглядывал Анну. Что таится за ее молчаливой покорностью? Внезапно ему захотелось напрямик спросить о ее истинных чувствах. Но, конечно же, она не откроет ему правду, хотя, с другой стороны, и не станет лгать. Она слишком умна для этого. Генрих тряхнул головой. Первая Анна тоже была умна, и ее дочь, крошка Бесс, смышленная девчонка. Упаси его Господь от умных женщин! Лучше уж остаться одному и благодарить судьбу, что эта Анна, принцесса Клевская, оказалась столь благоразумна. Мысли

короля перескочили на более приятные материи.

Двадцать седьмого января король устроил пышное празднество в честь посланцев герцога Клевского, после чего все они, получив богатые дары и наилучшие пожелания королевской четы, были отосланы домой. Только Хельге фон Графштейн и Марии фон Гессельдорф разрешили остаться в Англии в качестве фрейлин королевы. Вместе со своей госпожой также остались матушка Лоув и юный Ганс фон Графштейн. К великому разочарованию леди Браун, король счел, что восьми фрейлин вполне достаточно для Анны, и лично отдал соответствующее распоряжение. Никаких новых назначений не предвиделось. Третьего февраля был отдан приказ готовиться к въезду королевы в Лондон. Если кто и счел странным, что этому не предшествовала коронация Анны, то никто не осмелился сказать об этом вслух. На следующий день королевская барка спустилась по реке от Гринвича до Вестминстера. Как только она миновала первую башню, грянул пушечный салют. Оба берега Темзы усыпали горожане. Королевскую чету сопровождали придворные и старейшины лондонских гильдий.

Анну растрогал прием ее новых подданных. Она уже почти жалела, что недолго ей оставаться их королевой, но если Генрих Тюдор не хочет видеть ее своей женой, то и она не хочет, чтобы он был ее мужем. Другом – пожалуйста. Кажется, он станет ей по-настоящему добрым другом, но мужем – никогда!

Королевская барка пришвартовалась у Вестминстера, и король с королевой рука об руку проследовали в Уайтхолл, где проведут эту ночь.

Во время пребывания в Уайтхолле граф Марч попытался возобновить знакомство с Ниссой, но рой скандальных слухов, связанных с ним, заставил девушку позаботиться о своем добром имени. Она предприняла все возможное, чтобы отделаться от него.

– Мои обязанности на королевской службе почти не оставляют мне времени для себя, милорд, – твердо ответила Нисса, когда граф пригласил ее проехаться верхом. – А если даже у меня появляется свободное время, я предпочитаю проводить его среди своих родных.

Вариан де Винтер выглядел разочарованным, но пообещал себе при более удобном случае еще раз попытаться снискать расположение Ниссы.

Совсем незадолго до этого дамы из свиты королевы окончательно удостоверились в том, что их госпожа стала женой короля лишь формально, причем, по-видимому, изменений в этом плане не предвидится. Анна, стараясь подыграть королю, изображала наивную непорочность. При дворе, где испокон века процветали интриги, измены и любовные связи, вначале мало кто верил, что королева может быть настолько наивна, но, однако, со временем пришлось признать, что это так и есть. Однажды зимним вечером, сидя в кругу своих дам, королева заговорила о том, как заботливо и нежно

относится к ней король.

– Каждую ночь, ложась спать, он дарит мне нежный поцелуй и говорит: «Спокойной ночи, милая», а утром, уходя, снова целует меня и говорит: «До свидания, милая». Разве он не лучший из мужей? Бесси, детка, налей мне, пожалуйста, стаканчик мальвазии.

Придворные дамы казались изумленными. После нескольких мгновений замешательства леди Эджкомб осмелилась произнести:

– Мы все надеемся, что у вашего величества скоро родится дитя. Вся страна будет ликовать, когда у принца Эдуарда появится брат, герцог Йоркский. – Она неуверенно улыбнулась.

– Пока я не жду киндер, – смело ответила королева, принимая чашу с вином из рук Элизабет Фицджеральд. – Спасибо, Бесси.

– Я... Я думаю, может быть, вы, ваше величество, все еще девушка? – осторожно спросила леди Эджкомб, в то время как все остальные оцепенели от такой дерзости.

Они знали, что леди Эджкомб никогда не посмела бы сказать такое любой другой женщине, но нынешняя королева так неизменно мягка, добросердечна и почти никогда не обижается.

– Как это я могу оставаться девушкой, если сплю с мейн Хендрик каждая ночь, леди Унифред? – хмыкнула королева. – Это глупо.

– Чтобы быть настоящей женой во всех смыслах, нужно больше, чем просто спать в одной кровати, – мягко продолжила леди Эджкомб. – Между вами больше ничего не происходит?

Королева медленно покачала головой, добавив:

– Но я вполне довольна тем, что есть. Я не знаю и не хочу знать ничего другого. Хендрик – очень хороший муж.

«Так, – подумала она, – наконец-то с помощью докучливой леди Эджкомб мне удалось подтвердить слова короля о том, что наш брак фактически не осуществился». Поднявшись, королева объявила:

– Я хочу отдохнуть, леди. Все свободны, кроме Ниссы Уиндхем.

Анна медленно направилась к двери в спальню, за ней торпливо последовала Нисса.

– Бедная женщина, – покачала головой герцогиня Ричмондская. – Она действительно не понимает. Как жаль, что король не любит ее. Что же с ней будет? Ведь король не сможет обвинить ее ни в измене, ни в кровосмесительных связях, как предыдущих жен.

– Скорее всего брак будет просто аннулирован, – предположила маркиза Дорсет. – Что же еще?

Войдя в спальню, Нисса плотно прикрыла за собой дверь и, взглянув на королеву, заметила на лице своей госпожи какое-то странное выражение.

– Не позволяйте им огорчать вас, мадам, – соболезнующе

заметила Нисса, но, к ее удивлению, Анна вдруг звонко расхохоталась.

Когда королеве удалось овладеть собой, она объяснила девушке:

– Я хочу рассказать тебе кое-что, Нисса, но это большой секрет. Если ты не сможешь его сохранить, то скажи мне об этом сразу, и тогда я ничего не буду говорить, хотя мне хотелось бы с тобой поделиться. Остальные – не друзья мне. Одни слишком поглощены своей значительностью, другие еще совсем девчонки. А я, Нисса Уиндхем, нуждаюсь в друге. Йа! Даже королям нужны друзья. Конечно, есть Ганс, но все-таки он совсем еще мальчик. Мне нужна подруга, с которой я могла бы говорить откровенно.

Нисса приблизилась к сидевшей у горящего камина королеве и опустилась перед ней на колени.

– Я горжусь тем, что служу вам, ваше величество, и сохраню в тайне все ваши секреты. Я почту за честь быть другом вашего величества.

– Недолго мне оставаться вашей королевой, – усмехнулась Анна.

– О, мадам! – испуганно вскрикнула Нисса. – Умоляю вас, не говорите так!

– Выслушай меня, Нисса Уиндхем. Хендрик не любит меня. Я поняла это с первой секунды. Если бы король мог найти способ расторгнуть помолвку, он не женился бы на мне. Но он не смог. Во время нашей брачной ночи мы обо всем

договорились. Он не будет вступать со мной в супружеские отношения, заявляя во всеуслышание, что я ему противна, а я не буду возражать против аннулирования брака. Сегодня эта безобидная, но чересчур любопытная курица, леди Эджкомб, дала мне прекрасную возможность подтвердить слова короля.

– Но король так учтив с вами, – пробормотала Нисса, не в силах прийти в себя от изумления. Хоть она уже слышала разговоры на эту тему, но не придавала им значения, считая их обычными злобными сплетнями.

– Как жену Хендрик меня терпеть не может, Нисса, но как друга – совсем другое дело. Каждую ночь, уединившись в спальне, мы с ним играем в карты. Обычно я выигрываю, ведь Хендрик не так уж умен. Удивляюсь, отчего все так его боятся?

– Ох, мадам, уверяю вас, его стоит бояться! Он хорош с вами, поскольку вы не стали ему поперек дороги, но когда кто-то или что-то встает на его пути, он становится диким зверем. Постарайтесь не совершить ошибки, король может быть очень опасен.

– Мне говорили, твоя мать была его любовницей, – сказала королева.

– Всего несколько месяцев, до того как он влюбился в Анну Болейн. Мама только что овдовела, и моя тетя, графиня Марвуд, привезла ее ко двору, чтобы помочь ей развеять печаль. Король сразу же увлекся ею, но мама избегала его под

предложением траура. Она очень его боялась и к тому же не знала ни одного мужчины, кроме моего отца. Тогда король твердо сказал маме, что в первый день мая она будет принадлежать ему. Она хотела скрыться, но король угрожал разлучить ее со мной.

Голубые глаза королевы расширились от удивления.

– Вот как, – задумчиво произнесла она, – значит, Хендрик, когда захочет, может быть безжалостным.

– О да, мадам, это он умеет, – подтвердила Нисса.

– И в назначенный день твоя мама стала любовницей Хендрика?

– Да, и оставалась ею в течение нескольких месяцев. Она очень привязалась к нему и научилась хорошо его понимать. А потом при дворе появилась госпожа Анна Болейн и все изменилось. Как раз в это время ко двору прибыл и мой будущий отчим, и король предложил ему жениться на маме. Отчим был наследником моего отца и, как выяснилось, давно уже тайно любил маму, но при жизни моего отца не осмеливался высказать свое чувство. Ну вот, потом их обвенчали в личной часовне короля и они вернулись в наш дом, Риверс-Эдж. Но я должна сказать, что мама навсегда осталась преданнейшей из слуг короля. По его просьбе она еще дважды ненадолго посещала двор: один раз – чтобы участвовать в переговорах с принцессой Арагонской, и второй – когда казнили Анну Болейн. С тех пор она ни разу сюда не возвращалась.

– Как это Хендрик ее прозвал? – поинтересовалась королева.

– Моя маленькая деревенская девочка, – улыбнулась Нисса.

– А ты ведь тоже деревенская девушка, Нисса, или тебе нравится королевский двор? Я нахожу здешнюю жизнь восхитительной. Двор моего брата такой скучный и напыщенный. Ни карт, ни танцев, ни красивых платьев.

– Может быть, здесь и весело, ваше величество, но мне кажется, что, как и моя мать, я предпочитаю деревенскую жизнь, – ответила Нисса. – Хотя, конечно, я счастлива служить вам. Мои родные надеются, что здесь я найду себе мужа.

– А ты не могла найти его дома?

– Нет, мадам. Моя семья уже потеряла надежду выдать меня замуж. Мне уже почти семнадцать, а во всей округе не нашлось ни одного более или менее подходящего человека, который сумел бы завладеть моим сердцем или хотя бы привлечь мое внимание. Если вы перестанете быть королевой, не знаю, как сложится тогда моя судьба. Вы не знаете, когда король намерен аннулировать ваш брак, мадам?

– Думаю, это случится весной. Хендрик не такой мужчина, чтобы долго обходиться без женщины. Кажется, он уже начал кого-то себе присматривать. Ты заметила? Он по-особому улыбается Анне Бассет, Кэтрин Говард и тебе. Ты не обращала на это внимания?

– Мне? – ужаснулась Нисса. – О, мадам, только не мне! Ведь король был возлюбленным моей матери! По возрасту он мне в отцы годится!

Нисса побледнела и задрожала. Королева успокаивающе обняла ее.

– Нисса Уиндхем, – с усмешкой произнесла она, – по возрасту Хендрик и мне годится в отцы. Наверное, я просто слишком много слушала сплетен. Скорее всего король хорошо относится к тебе, потому что питает добрые чувства к твоей маме.

– Да, да! – воскликнула Нисса, переводя дыхание. – Я уверена, что его величество относится ко мне по-отечески.

Тем не менее слова королевы заронили тревогу в душу Ниссы, но она боялась поделиться ею даже со своей теткой. Ей казалось, что тем самым она обманет доверие королевы. Как же развернутся события, когда брак Анны Клевской и Генриха Тюдора будет расторгнут? Королевские министры станут настаивать, чтобы он взял новую жену, жену, способную родить ему сыновей. Король же в последнее время только и говорит что о преимуществе английских жен перед иноземными. Нисса вдруг заметила, что стала объектом пристального внимания со стороны нескольких влиятельных членов Тайного совета. С этого момента ее безупречное поведение и преданность королеве стали еще более подчеркнутыми. Это единственный щит, которым она могла заслониться.

В марте Генрих официально сообщил своему Совету, что фактическое осуществление брака между ним и Анной Клевской совершенно невозможно. Члены Тайного совета тут же сообразили, что Генрих Тюдор прозрачно намекает (насколько он способен намекать), что они должны найти способ освободить его от уз этого брака. Говоря с министрами, король настаивал на том, что имела место более ранняя помолвка между Анной и сыном герцога Лоррейна.

– Мы самым тщательным образом изучим этот вопрос, – заверил своего господина Томас Кромвель, а герцог Норфолк ехидно улыбнулся.

Король поблагодарил Совет и удалился, предоставив присутствующим дебатировать сколько вздумается. Члены Тайного совета все как один поглядели на Кромвеля.

– Никакой более ранней помолвки не было, – мрачно сказал Кромвель. – Мы наводили справки еще до того, как начали составлять брачный контракт. Посылали гонцов к нынешнему герцогу Лоррейну. Когда они оба были еще детьми, отцы поговаривали о том, чтобы их поженить, и только. Герцог клятвенно заверяет, что никакой помолвки не было. Он даже пересмотрел бумаги своего покойного отца, более того, переговорил с его бывшим духовником. Никаких следов помолвки нет. Король не может развестись с Анной Клевской, используя это как повод.

– Тем не менее он разведется с ней, Кром, – заверил его герцог Норфолк. – Он еще полон сил, ему нужна женщина.

Мне то и дело рассказывают, как его жадный взор впивается то в одну, то в другую хорошенькую женщину. Он не станет спать с этой фламандской кобылой, но я не сомневаюсь, что он еще способен зачать ребенка. Одного принца недостаточно для Англии, джентльмены! Англии нужен целый выводок принцев!

– Согласен, – кивнул епископ Гардинер.

– Королева – на редкость добрая женщина, – неожиданно заговорил архиепископ Кентерберийский. – Мы не можем причинить зло этому невинному созданию. Это недостойно англичан. Если уж необходимо расторгнуть этот союз, то только путем аннулирования брака. С королевой необходимо поступить по-доброму, щедро вознаградить ее, заручившись взамен ее согласием. Мне кажется, вы должны поддерживать меня, джентльмены.

– А если она, как та испанская стерва, не захочет пойти на компромисс? – возразил герцог Норфолк. – Между прочим, вина-то лежит на короле. Разве не твердил он всем и каждому, что он не в состоянии вступить в супружеские отношения? Что, если она не пойдет нам навстречу? Мы должны найти другой выход, а я не вижу иного пути, как... – И он, гнусно улыбаясь, провел рукой поперек своей длинной шеи.

– Томас, Томас, – начал увещевать его архиепископ, – эта королева не имеет ничего общего с принцессой Арагонской. С ней можно договориться, и я готов взять это на себя. А что думаете вы, Кром? Аннулирование?

– Это единственный выход, милорды, – кивнул Томас Кромвель.

– Тогда вы должны предложить это королю и посмотрим, что он скажет, – продолжал архиепископ Кранмер. – Когда получим согласие его величества, я переговорю с королевой. Ее нельзя обижать. Она королевского рода.

– Испанка тоже была королевского рода, – пожал плечами герцог Норфолк.

– Сейчас совсем другая ситуация, Томас, – спокойно ответил архиепископ.

– Королю может не понравиться, если его выставят на всеобщее посмешище, – забеспокоился Кромвель. – Кто из мужчин захочет привлекать внимание к такого рода проблемам?

– У него нет другого выбора, – практично рассудил епископ Гардинер. – Если он так уж жаждет избавиться от этой женщины, то должен пойти на некоторые жертвы.

– Но мы ведь говорим не об обычном человеке! – взволнованно проговорил Кромвель. – Речь идет о самом Генрихе Тюдоре!

– Мы поддержим вас в этом деле, Кром, – заверил лорд-канцлера герцог Норфолк. – Страусиная политика должна быть отброшена в сторону, когда речь идет об интересах Англии. Разве здесь мы не едины, джентльмены? – Он оглядел присутствующих.

– О да! – в один голос ответили остальные.

– Меня не совсем успокоили ваши заверения, милорд, – откликнулся Кромвель, – но, как мне представляется, у меня нет выбора и я должен убедить короля согласиться на аннулирование. Я попытаюсь переговорить с ним сегодня же. Медлить нет смысла.

Лорд-канцлер отправился к королю. Остальные члены Тайного совета тоже начали расходиться. Епископ Гардинер незаметно приблизился к герцогу Норфолку:

– Нам надо поговорить, Том.

– Пойдемте со мной, – ответил герцог.

Они спустились в один из тихих уголков парка, совершенно пустынный в этот прохладный день. Весна уже стояла на пороге, но было еще холодно. Здесь никто не мог ни увидеть, ни подслушать их – идеальное место для заговорщиков.

Герцог Норфолк посмотрел на своего собеседника. Епископ, высокий мужчина с седеющей шевелюрой и удлинённым лицом, на котором выделялись умные темные глаза, крупный нос и мясистые губы, был весьма надменным и трудным в общении человеком. Как и герцог, он оставался убежденным консерватором и в политике, и в религии. И как и герцога, последние несколько лет Кромвелю удавалось держать епископа в отдалении от двора. Ни у того, ни у другого не было никаких причин симпатизировать лорд-канцлеру.

– Теперь, когда вопрос практически решен, – вполголоса произнес Стивен Гардинер, – нам нужно обсудить вопрос о новой женитьбе короля.

– Думаю, в Европе сейчас не найдется ни одной женщины соответствующего ранга, которая согласилась бы пойти за него, – насмешливо произнес герцог. – Но ведь это к лучшему, милорд, не так ли? Король найдет новую невесту прямо здесь, в своем собственном саду. Он будет выбирать среди роз Англии, а не среди чужеземных цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.